

COBBE
ADATEUR

Росс

Крыжовниковые

Датектив

0.
□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □
36
©1975
ENGLAND
O.

63

CMC

Факт. Приключение. Детектив.

В зоне риска

Анатолий Безуглов

Горькие плоды

Виктор Пронин

В зоне риска

Октем Эминов

Считать подвигом

Перевод с туркменского Валерия Аушева

Юрий Пшонкин

Следы в тумане

Василий Шукшин

Охота жить

Валентин Федоров

Инок белой пустыни

Виктор Пронин

С утра до вечера вопросы

Ростислав Самбук

Криминальный марафон

Перевод с украинского Игоря Захорошко

Леонард Фесенко

Шесть пуль

Факт. Приключение. Детектив.

В зоне риска

Выпуск первый

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1991

ББК 84 Р7
Ф 18

Составитель
Л. П. ФЕСЕНКО

Художник
АЛЕКСАНДР КОЛОМАЦКИЙ

4702010201—332
Ф ————— 365—91
083(02) — 91

ISBN 5—265—02063—2

© Издательство «Советский писатель», 1991

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга о людях с сильным характером, их мужестве и стойкости. Герои произведений Василия Шукшина, Виктора Пронина, Октема Эминова, Ростислава Самбука, Юрия Пшонкина, Валентина Федорова и других авторов ведут напряженную, рискованную борьбу со злом во имя добра и справедливости.

За первым сборником последуют другие выпуски. Их будут представлять известные советские писатели, журналисты. Надеемся на сотрудничество зарубежных авторов. В частности, в освещении деятельности Интерпола, в который вступил Советский Союз.

Не случайно в названии сборника на первое место вынесено слово «факт».

Достоверные сведения о событиях, происходящих в нашей стране и за ее пределами,— основа книги, которая увлекательно расскажет о людях, проявивших в экстремальных условиях волю, силу духа, мужество.

Без крутого сюжета, логических загадок, оригинальных версий и неординарных решений нет детектива. В представленных произведениях читатель станет участником и свидетелем захватывающей борьбы с преступным миром, с отечественной и зарубежной мафией.

Особенностью сборников является и то, что в них будут представлены произведения национальных писателей.

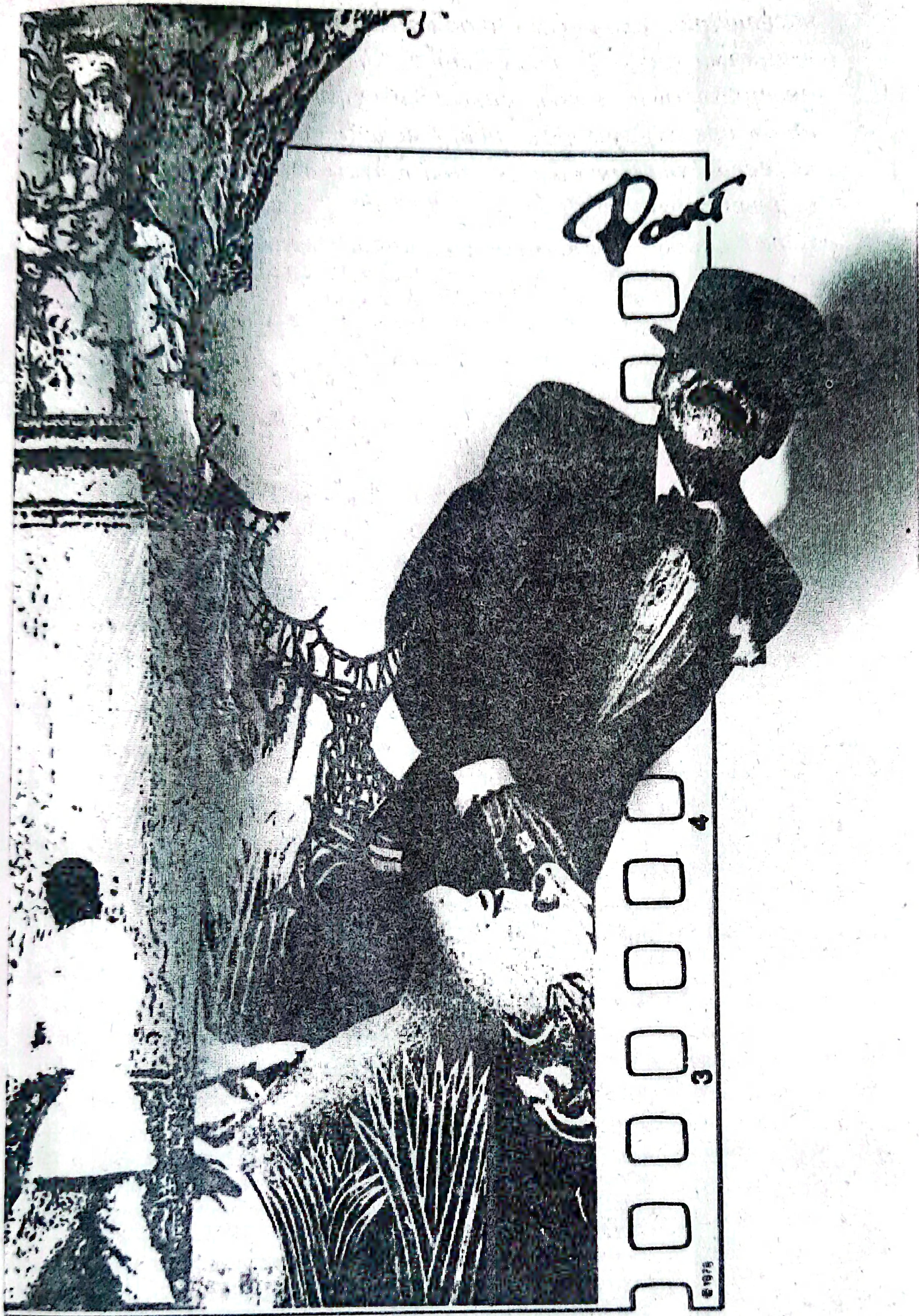
Борьба за общество социальной справедливости не ослабевает ни на минуту. Наша бурная, до предела

насыщенная сложными проблемами и кризисными ситуациями жизнь — тому свидетель. Она же подняла на поверхность и темные силы. Высветить художественными средствами негативные явления, помочь людям обрести душевную щедрость и покой, направить их на верный жизненный путь — вот цель, которую ставят перед собой составитель сборника и авторы. И если кто-либо найдет в книге ответ на терзающие его вопросы, мы будем искренне рады и сочтем, что наше скромное начинание одобрено.

Леонард Фесенко

Безуглов

Анатолий Безуглов после окончания Московского юридического института работал прокурором уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР.

В настоящее время — доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей СССР, заведующий кафедрой Московского юридического института. Широкую популярность получили романы и повести: «Инспектор милиции», «Змееловы», «Следователь по особо важным делам», «Хищник», «Черная вдова» и другие.

А. А. Безуглов — лауреат конкурсов МВД СССР и Союза писателей СССР. За литературное творчество удостоен Золотой медали имени Н. Кузнецова.

Пронин В.

Известный писатель и публицист Виктор Пронин в документальной повести «В зоне риска» рассказывает о сложной судьбе талантливого организатора производства Леонида Кучеренко.

В свое время публикация очерка Пронина «Дело началось с письма» помогла Кучеренко избавиться от долгих преследований мстительных людей.

Эминов

Октем Эминов окончил педагогическое училище и Туркменский государственный университет. Работал в городе Чарджоу в областной газете. Последние 20 лет на творческой работе.

Издал несколько сборников стихов и прозы. Известен по книгам «Дело возбуждено», «Будь начеку, Бенизор», «Высокое напряжение», «Клевета».

Лауреат всесоюзных конкурсов МВД и Союза писателей СССР.

В зоне риска

Наступает однажды какой-то праздник, чуть ли не Новый год, идут с разных концов от полузабытых друзей поздравления, в киосках мелькают открытки с красными флагами, у нас почему-то все праздники неизменно сопровождаются красными флагами — Первое мая, серебряная свадьба, Парижская коммуна... Так вот, приходит открытка, и по обратному адресу я вижу, что отправлена она из-за колючей проволоки. Похоже, какой-то зек, истосковавшись по человеческим отношениям, решил поздравить меня с чем-то радостным. И тут же, в следующей строке, я узнаю, что зека зовут Леонидом Семеновичем, что фамилия его Кучеренко и что по случаю Нового года он желает мне счастья, здоровья, удачи в делах и прочих приятных вещей, которых мы чаще всего в обыденной жизни начисто лишены. И еще пишет словоохотливый зек, что пусть, дескать, этот год Зайца, по какому-то там диковинному календарю, не отразится на моей судьбе пагубно и необратимо. И в следующей строке намек свой поясняет, приводя в пример собственную судьбу, — как зайца, изловили Леонида Семеновича в далеких и, казалось бы, совершенно недоступных для правосудия Саянских горах, многомесячным этапом доставили через всю страну в Кривой Рог и поместили за ту самую колючую проволоку, из-за которой он и изловчился прислать свое поздравление на открытке, расписанной красными флагами, серпами, молотами и другими важными для нашего государства символами.

Так я узнал, что Леонид Семенович Кучеренко отбывает наказание, определенное ему заместителем председателя Днепропетровского областного суда Виктором Иосифовичем Липинским — в те времена и Липинский обитал еще на свободе, и был он молодой, красивый, порывистый, как бы устремленный в прекрасное свое будущее, в прекрасное общество, где уже давно ждут его с нетерпением и восторгом. Но коварная и безжалостная жизнь наша распорядилась так, что попал он в общество, которое можно назвать изысканным только весьма и весьма условно. Дело в том, что суровые приговоры не отражались на внешнем виде Виктора Иосифовича, а если на чем-то и отражались, то скорее на его благосостоянии. По каким-то странным законам бытия благополучие нашего судьи неотвратимо улучшалось с каждым годом. Да что там годом! Чуть ли не после каждого

приговора Виктор Иосифович хорошел и веселел. Опытные зеки знают, отчего такое происходит.

История взаимоотношений судьи и подсудимого, окончившаяся осуждением одного и второго, представляет особый интерес в наши дни, когда многострадальное общество решительно и даже с какой-то остервенелостью сдирает с себя наросты из глупых догм, надуманных запретов, всевозможных страхов и опасений, кровавых воспоминаний и радостно-надсадных воплей, сдирает с себя все, что делало жизнь унижительной и простите, идиотской в самом полном и прямом смысле слова. А как еще прикажете называть существование, когда народ великой в прошлом державы не имеет возможности и права называть вещи своими именами, а здравый житейский смысл попросту карается законом? Впрочем, каким законом... Беззаконием карается, а это куда страшнее.

Да, сегодня мы призываем к ломке привычных представлений, к новому взгляду на жизнь, обращаемся к людям дерзким и смелым, к людям честным и самоотверженным, мы говорим с таким волнением в голосе, что, как нам кажется, должно сделать их счастливыми, мы говорим: «Смелее, ребята! Вас ждет успех! В ваших руках будущее великой страны! Вперед без страха и сомнения!»

А они, простые, искренние души, опять верят, опять устремляются... Но мы-то, всегда ли у нас самих, гордых на всяческие взволнованные призывы, хватает мужества, терпения, человеческого участия и той отчаянности, которая так нас восхищает в других, чтобы прийти на помощь этим людям, когда они попадают в беду? А в беду они попадают часто, поскольку действительно больше думают о деле, нежели о собственной безопасности. Поскольку наивны и доверчивы в своей невытравляемой приверженности к осмеянным ныне у нас человеческим ценностям — чести, достоинству, порядочности...

Да, борьба старого и нового продолжается. И это вот новое, привнесенное в нашу жизнь за последние семьдесят лет борьбы и свершений, отнюдь не собирается сдаваться и отказываться от своей упоительной и такой привычной власти над судьбами людскими.

Есть понятие — зона риска.

Такая зона существует в любой области человеческой деятельности — от детского сада до космических полигонов. И дело не в том, что опасна сама по себе та или иная работа, вовсе нет, — даже на наших замечательных дорогах ежегодно гибнет в четыре раза больше людей, чем в Афганистане погибло за девять лет войны. Дело в самом человеке. Он сам создает вокруг себя зону риска. Поступками, словами, поведением, той системой ценностей, которую он выбрал и которой придерживается.

Несмотря на многократные выкорчевывания и чистки, остались, слава Богу, люди, постоянно живущие в зоне риска. Что делать, так уж сложилось, что наше насквозь партийное общество не прощает человеку способностей, смелости, вызова. Даже бескорыстия не прощает. Потому что за всем этим стоят сомнения в общепринятых ценностях. А сомневающимся быть не должно. Едва ли не каждый день приходится читать в газетах о вновь открываемых «полезных ископаемых» — залежах человеческих черепов с дырочками в затылках. Впрочем, у многих дырочки как раз посреди лба. Это все были сомневающиеся, колеблющиеся, раздумывающие...

Совсем недавно зона риска была просто смертельной, а человек оказывался в ней из-за самых невинных и естественных своих качеств — здравого смысла, порядочности, честности. Обладание даже одним из этих качеств сразу переносило нас под пронизывающий ветер опасности, на свежий, бодрящий воздух нормальных отношений. Человек, вдохнувший в себя этот воздух хотя бы раз в жизни, постоявший на этом ветру, ощутивший озноб дерзости и риска, никогда уже не сможет забыть об этом.

Конечно, жизнь ломает и мнет многих, немало людей в конце концов предпочитают теплый воздух безопасности и покоя, но тот ветер, тот ветер не забывается.

1. ПУТЬ НАВЕРХ

Впервые серьезной, смертельной опасностью на Ленку Кучеренко дохнуло в 1943 году. Ему тогда было лет восемь. Представьте — война, оккупация, немцы на улицах, в домах Кривого Рога. Отец на фронте. У матери на руках трое детей. Доходов никаких. На что-то надо было жить. Чтобы хоть как-то продержаться, продала все, что можно было, и купила корову. На нее-то и была вся надежда. Летом, осенью по обочинам дорог, на заброшенных полях женщина выкашивала траву, сушила, собирала пучок к пучку. Будет зимой молоко — дети выживут. Только одна эта мысль давала ей и силы, и мужество. И была еще надежда, в которую боялась верить, чтобы не сглазить, — вернется муж, а все их дети живы и здоровы.

И вот однажды, уже глубокой осенью, придя с базара, она увидела самую страшную картину, которую только можно было вообразить в ее положении: посреди двора стоит немецкая грузовая машина, а солдаты в зеленоватой форме весело и споро грузят заготовленное на зиму сено. Половины копны уже нет, и на ее глазах быстро уменьшалась оставшаяся часть. Пройдет десяток минут, и от запасов не останется ничего, кроме нескольких травинок. И тогда неизбежно — голодная смерть.

Не помня себя, женщина бросается к первому попавшемуся на ее пути солдату, вырывает у него из рук вилы и длинной рукояткой замахивается, чтобы изо всей силы... Но кто-то успел в последний момент ухватить эту дубину сзади, удара не получилось. Однако перепуганный солдат в какой-то истерике бежит в угол двора, берет свой карабин, на ходу передергивает затвор, вскидывает ствол...

В немыслимой надежде спастись, защитить детей женщина прижимает к себе подвернувшегося тут же Ленку.

Выстрел.

Но опять происходит нечто непредвиденное — пожилой немец, только что сам грузивший сено, в прыжке дотягивается до карабина и уже в падении успевает ударить по стволу. Пуля в шаге от женщины впивается в землю, взбурлив маленьким и уже безопасным фонтанчиком. А ведь она легко бы прошила и Ленку, и его мать...

Потом Ленка нашел эту пулю, выковырял ее из земли, долго тешился, пока не затерялась она среди других пуль — мало ли их было во время

войны у каждого мальчишки. А немцы, потолковав о чем-то, поругавшись между собой, ушли со двора, оставив половину копны. Собрались, попрыгали в кузов машины и уехали.

В памяти у Леонида Семеновича до сих пор осталось увеличенное, смотрящее прямо на него дуло немецкого карабина. Черная круглая дыра, казалось, закрывала тогда все небо, всю землю — на него в упор смотрела смерть. И до сих пор, когда судьба устраивает ему очередную проверку на прочность, когда уже нет вроде бы никакого спасения, возникает перед глазами маленькое черное отверстие и, постепенно расширяясь, охватывает все пространство. Но и каждый раз появляется почти несбыточная надежда, что найдется человек и в немыслимом прыжке успеет ударить по стволу судьбы. И надежда эта, в общем-то, сбывается, оправдывается. Но все-таки чаще отводить удар приходится самому.

После войны Леонид Кучеренко закончил школу переростком, несколько лет были потеряны. Потом пошел в рабочие каротажного отряда, в первое же лето рванул с другом в Грузию — поступать в институт. Провалился. Однако удача улыбнулась ему — приняли в авиационное училище. Там же, в Тбилиси.

Наметилось неплохое будущее. Красивая форма, надежная специальность, взгляды девушек и все такое прочее. Началась учеба. Все шло отлично — прыжки с парашютом, изучение техники, полеты. Появились новые друзья, новые интересы...

Но, видимо, все-таки у судьбы были на него другие виды.

В первый же отпуск поехал домой, в Кривой Рог. Вроде и немного свободных дней выделило ему руководство училища, что-то около десяти, но этого вполне хватило, чтобы влюбиться без памяти, как говорят. Куда деваться, было тогда Ленке Кучеренко без малого двадцать лет. Звали ее Валей. Валентина. Хорошее имя. И влюбился Ленка в нее настолько, что все остальное попросту потеряло значение — Тбилиси, Грузия, училище, летная судьба...

Пропади оно все пропадом!

Бросил все и вернулся в Кривой Рог.

И снова оказался в бурильщиках.

Роба, руда, карьер...

Где ты, нежно-голубое обмундирование? Где учеба, полеты, прыжки?.. В прошлом. И нет туда возврата.

Началась сменная работа — ночная, дневная, а в карьер еще добраться надо, после смены вернуться надо, а дорога в один конец десятки километров. Предприятия Кривого Рога разбросаны по широкой украинской степи так, что и воображению не поддаются. Маршрут троллейбуса куда длиннее ста километров. Километровые провалы в земле. Одновременно подрываются сотни тонн взрывчатки. А рядом грохот и жар металлургических гигантов. Ни один рубль не дается легко, ни один шаг не дается просто. Удержится в этих условиях далеко не каждый, далеко не каждый уцелеет. Здесь образуется особый человеческий характер — жесткий, добродушный, наивный до беспомощности в дружеском общении, бесстрашный в любых схватках, от хулиганья до начальства. Здесь слабаки не держатся, а сильным положено быть великодушными. Мастера горных профессий, бурильщики, подрывники, экскаваторщики, собравшись вместе, хвалятся

домашними консервами, выращенными помидорами. При встречах принято хорошо пить и держать форму...

К таким людям попал Кучеренко.

И ничего, прижился.

Дальше — институт. Работая в криворожских карьерах, закончить институт — это на грани подвига. И этот подвиг Леонид Семенович совершил как бы играючи. Он получил диплом Криворожского горнорудного института и стал узаконенным специалистом по разработке месторождений. И в двадцать семь лет, минуя сразу несколько должностных ступенек, из бурильщиков переходит в технические руководители буровзрывного цеха Новокриворожского горно-обогатительного комбината.

Круто все-таки, а?

Да, очень важное обстоятельство — к этому времени он уже мастер спорта по боксу. Полезное оказалось мастерство. Потому что, когда из бурильщиков переходишь в большое начальство и начинаешь руководить коллективом из трехсот отчаянных, самолюбивых и прошедших через все людей... Хватка и реакция хорошего боксера частенько оказывается весьма кстати. Объясняешься ли ты с подчиненными или с еще более высоким начальством.

Но об этом как-нибудь в другой раз.

Рассказать есть что.

Продолжим. Через два года Леонида Кучеренко назначают начальником отвального хозяйства. Еще через два года — начальником карьера. Здесь уже подчиненных — за тысячу. Дня без чрезвычайного происшествия, без события не бывало. Драка, простой, запой, авария, несчастный случай, задержка зарплаты, семейный конфликт — все на шее начальника.

Но как бы там ни было — работа шла и продолжался неудержимый, безостановочный путь вверх. Знания, энергия и, да простятся мне эти заелженные слова, любовь к своему делу, к своей работе делали свое. Кучеренко нередко попросту бросали на прорыв, на тот или другой загубленный участок, да он и сам прекрасно чувствовал свою силу, возможности и не возражал. Даже появился какой-то азарт — сделать то, что другим не под силу. И делал. Решения нередко принимать приходилось на грани риска.

Один пример. Карьер задыхался — вывозить руду машинами не успевали, а проложить железную дорогу было нельзя, поскольку пришлось бы делать слишком кругой поворот, невозможный по техническим условиям. И Кучеренко проложил этот слишком крутой поворот, и пустил по нему железнодорожный состав, пустил. Правда, перед составом шел человек с ведром и тряпкой и смазывал рельсы, иначе колеса вагонов соскальзывали от этой невероятной крутизны. Но уже через неделю появилась возможность чуть распрямить рельсы, еще через неделю больше распрямили — и пошло. Маленькая деталь — все это проделалось втайне от руководства комбината, потому что ни один руководитель не взял бы на себя ответственность за возможные последствия. А если сказать еще точнее, то это делалось якобы втайне от руководства. Директор знал, ежечасно звонил — не сошел ли состав с рельсов, не загремели ли вагоны в отвал. Но ему нельзя было знать об этой технической авантюре официально.

А были случаи покруче, порискованней. Были случаи, когда руковод-

ство действительно ничего не знало о кучеренковских затеях. А он, он на каком-то переломе решил, что мог бы двигаться вверх и побыстрее... — Дурак! — так он определяет давнишнее свое решение уйти с родного Новокриворожского комбината, уйти на Северный. — Круглый, безмозглый, тщеславный дурак! И больше никто! Переманили! Должность главного инженера рудника посулили! И я ушел. Хитростью, лукавством, обманом ушел. Когда директор Мигуцкий, золотая душа, вернулся из отпуска, я уже работал на Севгоке. Он нашел меня по телефону в первый же свой рабочий день, вызвал в кабинет и... Если я сейчас о чем-то и жалею, так это о том, что маловато он мне тогда всыпал. Но дело было сделано, дело было сделано... — заканчивает он с тяжким, сдавленным вздохом.

К тому времени Кучеренко был известен в Кривом Роге многими подвигами на производственной ниве. А едва перейдя на Севгок, он прославился тем, что впервые в истории бассейна взорвал в карьере одну-две тысячи тонн взрывчатки. Тысячу тонн! А чего стоило лишь пробить эту идею! Боялись, что весь котлован будет засыпан рудой, что город будет снесен с лица земли, что погибнет техника, пострадают люди...

Обычно в карьере взрывали двести тонн, изредка триста. Отколотой руды хватало на несколько дней работы. Подготовка одного взрыва тоже занимала несколько дней. В результате получалось, что карьер больше простаивал, нежели работал. Кучеренко предложил: взорвать тысячу тонн взрывчатки, чтобы потом можно было месяц работать без остановки. Предложение соблазняло, все понимали, что производительность карьера сразу возрастет не на какие-то доли процента, а в несколько раз, что металлурги будут обеспечены рудой, что неизбежны награды, повышение, премии и прочая, и прочая...

Но никто не брал на себя смелость дать «добро» такому взрыву. Изучали, просчитывали, советовались... И все. Документа, разрешающего взрыв, так никто и не дал. Специальные институты, комбинатовские лаборатории, технические отделы, профессора и доценты, начальники и заместители...

Все попросту уходило в сторону.

И тогда Кучеренко все взял на себя. Опыт был, дерзость всегда при нем, знания тоже получил, а к тому времени он уже готовил диссертацию кандидата технических наук... И дал команду — бурить и закладывать взрывчатку. Комбинат замер. Все говорили только о предстоящем взрыве. Тревожные звонки из министерства, из партийных и, как говорится, советских органов.

— А что им беспокоиться, — смеется сейчас Кучеренко. — На плахе-то моя голова. Расчеты я представил, схемы нарисовал, перспективы изложил... И, кроме самой обыкновенной человеческой трусости и перестраховки, никто ничего противопоставить мне не мог. Но и на разрешение тоже мужество, конечно, требовалось от начальства... В общем — взорвал.

— Тысячу тонн?

— Тысячу тонн. Правда, применил небольшую инженерную хитрость — взрыв разбил на несколько, и они прогремели один за другим цепочкой, с паузами в одну-две секунды.

Город уцелел.

Карьер надолго накормил ненасытную металлургическую промышленность края, а на комбинат зачастили гости, делегации, научные сотруд-

ники — изучать передовой опыт. Привез своих специалистов и директор Новокриворожского комбината Мигуцкий.

— А ведь ты мог бы и у нас такой взрыв сделать, — с укором сказал он Кучеренко.

— Мог бы... Должность не позволяла.

— Далась тебе эта должность!

— Ну нельзя же было вечно затыкать мною все дыры!

— Так уж и затыкали... Бросали на прорыв. Зная, что справишься. Понимая, что больше некого. Так стоял вопрос. Ты шел на должность куда более высокую, чем тебе дали здесь.

— Здесь мне ее дали сегодня. А у вас... На мою жизнь дыр хватило бы.

— Напрасно ты так, Леня, напрасно. Да ты и сам знаешь, что неправ.

— Может быть.

— Назад не тянет?

— Пока нет.

— Потянет — скажешь. Понял?

— Спасибо.

— Ты к нам вернешься, так и знай. По этой причине или по другой...

Так вот, я хочу, чтоб ты знал: приглашение тобой получено.

— Добро.

Трудно сказать, какую причину имел в виду директор Мигуцкий, но она появилась гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Дело в том, что бросать Кучеренко на прорыв или не бросать — это зависело не от директора, это зависело от него самого. Когда появлялся прорыв, вспоминали именно о нем.

На комбинате резко возросло количество несчастных случаев, за год гибло больше десятка рабочих. Где-то в верхах задумались о том, насколько руководство Севгока соответствует своим должностям. И тогда Кучеренко сделали заместителем главного инженера комбината по технике безопасности. Отныне ему предстояло решать, почему отказывали ручные тормоза у грузовиков, почему сходили вагоны с рельсов, почему глыбы руды катились не туда, куда им положено катиться.

Он начал с того, что сам вышел в карьер, стал на самой оживленной трассе и не допустил к работе ни один грузовик, у которого барахлил ручной тормоз. Таких оказалось несколько десятков. Жалобы, звонки, рапорты в тот же день посыпались на его голову. Но руководство, над которым нависла реальная угроза снятия с работы, его поддержало. Оказалось, что отрегулировать ручные тормоза вполне под силу отечественной технике. Потом уже доходило до того, что водители, встретив Кучеренко на крутом подъеме в карьере, сами останавливали груженные самосвалы и, оставив его на ручнике, выходили покурить, словечком переброситься, как говорится, «поздоровкаться».

Через год на комбинате не было ни единого смертельного случая. А ведь случалось — вдовы на похоронах своих кормильцев плевали комбинатовскому начальству в лицо.

— Вот тогда-то я и набрал девяносто килограммов, — говорит Леонид

Семенович.— Но вскорости пришлось опять все лишнее сбросить, да и не только лишнее.

Свои жизненные успехи и поражения, а они у него чередуются с неизменным постоянством, в полной мере отражая колебания в общественных ценностях и устремлениях, Кучеренко измеряет еще и собственным весом. Налаженная работа карьера — девяносто килограммов. Выкинули с работы — шестьдесят. В десять раз поднята добыча золота на участке в Забайкалье — восемьдесят килограммов. Тюрьма, камера смертников, допросы, психушка и этапы — пятьдесят. А сегодня, когда государственный банк Удмуртии одалживает у бывшего зека два миллиона рублей для зарплаты рабочим, у него около восьмидесяти.

Но это так, к слову.

В очередной раз ощущение черной дыры возникло у него во время разговора с директором Северного горно-обогатительного комбината Василием Михайловичем Елисовым.

Чтобы вполне понять происшедшее, нужно сказать несколько слов о самом комбинате. Расположенный в пригородах Кривого Рога, он представляет собой маленькое государство с десятками тысяч подданных. Здесь свои законы морали и нравственности, своя система ценностей и подчинения, бюджет комбината вполне сравним с бюджетами небольших европейских государств. Заминка в его работе немедленно отражается во всей металлургической промышленности страны.

А директор комбината, глава этого государства, если и не министр по должности, то уж наверняка один из первых его заместителей. На эту должность неизменно попадают люди крутого, волевого склада, готовые не задумываясь распорядиться чужой судьбой, да и своей тоже. Они готовы бросить все на выполнение правительственного задания, а других заданий у них не бывает, готовы для пользы дела выпить бутылку водки, а если положение требует, то и вторую, третью, а потом позвонить министру, провести совещание, рвануть в карьер на чрезвычайное происшествие. На эту должность приходили, да и приходят поныне, люди той особой советской породы, которая возникла за последние десятилетия, — сентиментальные и властные одновременно, жесткие и угодливые до безобразия. Невысоких обычно умственных способностей, не больно образованные и начитанные, они поступали с великой убежденностью в собственном превосходстве и в собственном праве поступать как угодно. И это превосходство действительно было в наличии, потому что в них ценились и от них требовались не тонкость суждений и благовоспитанность, не проницательность и изысканность инженерного мышления, нет. Ценились властность, твердость, умение держать в кулаке тысячи горняков, металлургов, водителей, экскаваторщиков, строителей, умение поощрять и наказывать, оскорблять и награждать, причем настолько уверенно, что человек должен был чувствовать себя осчастливленным, поскольку начальство обратило на него внимание, заметило, выделило из прочих, похвал и покрыв самым жестоким матом.

И вот Елисов, директор комбината, вызывает Кучеренко к себе в кабинет.

— Ну что, дрогнуло сердце? — спрашиваю у Леонида Семеновича.

— А как же! Еще так дрогнуло, что... Но тогда по глупости своей и самонадеянности я рассчитывал на повышение и думал, что вызывают меня, чтобы сообщить столь приятную новость. Наивный был, дурной, бестолковый...

— Ну, Леонид Семенович! Такой уж и бестолковый!

— Конечно! Сегодня я бы в минуту просчитал, зачем он меня вызывает. Тогда же мне казалось, что начальство заинтересовано в деле, как и я... А сейчас... Сегодня я ясно вижу отсутствие интереса к делу на самых высоких должностях в нашем государстве. Понял? На самых высоких! — Он поднял вверх указательный палец, глядя на меня шало и дерзко.

Ну ладно, вызвали.

В кабинете сам Елисов и с ним секретарь парткома комбината. Вот только в этот момент и екнуло сердце у Кучеренко. Если бы речь шла о новом назначении, в кабинете сидел бы начальник отдела кадров. Если секретарь парткома — дело плохо.

— Присаживайтесь, Леонид Семенович, — Елисов величественно махнул рукой. Был он невысок, плотен, краснолиц.

— Спасибо.

— Что хорошего в жизни?

— Да так... Все хорошо.

— Похвально, похвально... Последнее время, как я заметил, вы довольно плотно общаетесь с главным инженером, с Дмитрием Ивановичем, так?

— Да вроде.

— И не только по работе?

— В общем-то не очень...

— Не скромничайте, Леонид Семенович, — вмешался в разговор секретарь. — Мы все знаем. В ваших отношениях нет ничего предосудительного, мужская дружба — это прекрасно.

— Да и дружбы-то особенной нету... Мы с Дмитрием Ивановичем только на работе и встречаемся...

— Не надо! — досадливо махнул рукой Елисов. — Не надо темнить, Леонид Семенович. Случается вам и выпивать вместе, и по бабам, как говорится, шастаете... Контакт у вас куда более плотный, чем вы хотите нам показать.

— Ничего я не показываю! — вскинулся Кучеренко, начиная постепенно понимать, куда клонится разговор, — о напряженных отношениях директора и главного инженера знали на комбинате все. По нравам, принятым на Севгоке, он должен был чувствовать себя польщенным этим разговором. Сам директор беседует с ним и даже вроде собирается кое о чем попросить. Это значит, что его приглашают в команду, он становится человеком доверенным и, естественно, растущим.

— Значит, так, — Елисов положил на холодное стекло стола плотную красную ладонь. — Значит, так... Вы сейчас сядете и напишете обо всем. Где бываете с главным инженером, с кем пьете, с кем спите... Про себя можете умолчать, это нам неинтересно. Но про Дмитрия Ивановича, уж будьте добры, подробнее. С датами, именами, адресами и так далее. Понятно? Вот бумага, ручка... Хотите — идите к себе, чтобы никто не мешал вам сосредоточиться. И вам воздастся. Вы меня поняли? Ведь место глав-

ного инженера освобождается... Ваша кандидатура не бесспорна, но очень перспективна.

— Но, Василий Михайлович... Дело в том, что... Боюсь, я просто не знаю всех тех сведений, которые вам нужны.

— Всех сведений никто не знает.

— Но как же тогда...

— Но вы можете о чем-то догадываться, что-то предполагать, о чем-то слышать... Поделитесь с нами своими опасениями, своей заботой о производстве...

— Но это будет... оговор.

— Вы отказываетесь? — спросил Елисов с нескрываемым изумлением.

— Видите ли...

— Должен вас предупредить, что одновременно вы отказываетесь и от многого другого. Вы это понимаете?

— Да. Понимаю.

В разговор вмешался секретарь парткома:

— Леонид Семенович... Вы можете пожалеть о своем упрямстве.

— Пожалеть?

— Вы отвергаете дружбу людей, которые могли бы вам очень помочь в жизни.

— Что делать, — Кучеренко развел руками. — Везде не поспеешь.

— Не будете писать? — угрюмо спросил Елисов.

— Донос? Нет, не буду.

— Тогда вон отсюда!

— С удовольствием.

Плотно закрывая за собой дверь, Кучеренко уже знал — пощады не будет. Здесь не привыкли церемониться с непокорными.

События не заставили себя ждать. Через две недели Кучеренко вызвали в партком комбината. Уже по первым вопросам, по содержанию разговора он представил себе, какая громадная работа была проведена за эти две недели. Прощупали всю его личную жизнь, соседей, жену, подчиненных и только тогда вызвали. Секретарь сидел за своим столом внушительно и непоколебимо, как бы олицетворяя мощь и справедливость государства. Он благожелательно посмотрел на Кучеренко, предложил сесть, позвонил куда-то по телефону, зачем-то вызвал секретаршу и передал ей пачку документов, судя по всему очень важных, и наконец обернулся к Кучеренко.

— Ну как, Леонид Семенович, вспомнили, где время проводили с главным инженером?

— Нет. Не вспомнил.

— Ясно... Может быть, вы, Леонид Семенович, не совсем правильно поняли просьбу директора... Речь идет вовсе не о вашем времяпрепровождении, совсем не о вашем. Вы человек подчиненный, вы просто выполняли поручения своего руководителя, в данном случае главного инженера... Вы вообще здесь ни при чем. А после того как напишете заявление или, скажем, обращение в партком, с вас все снимается, даже та малость, которая была... Более того, вы оказываетесь человеком, которого просто необходимо поощрить...

— За что?

— Гм... За верность, за преданность тем нравственным принципам, которые...

— Которые?

— Мы все должны отстаивать.

— С помощью доносов?

— Леонид Семенович, я вижу, что этот разговор продолжать нет никакого смысла. Ну что ж, я по-дружески вас предупреждал — как бы не пожалеть... Помните?

— Прекрасно помню.

— Отлично. Вы сделали свой выбор, мы — тоже. Теперь вам предстоит отчитаться уже за свои собственные поступки.

— Какие?

— Скажу, не торопите меня. Вам предстоит отчитаться о том, как вы построили гараж из ворованного кирпича, как использовали государственную технику в личных целях по благоустройству опять же своего гаража... Короче, Леонид Семенович, напишите о всех тех преступлениях, которые допустили вы.

— Каких?!

— Вы нарушили этику руководителя, нравственность человека коммунистического общества, — секретарь улыбался все шире, — вы нарушили и обыкновенную финансовую дисциплину.

— И все это за то, что я отказался писать донос?

— Ну что вы, Леонид Семенович, о каких доносах речь... Доносы — это ваше личное дело. Хотите — пишите, хотите — нет... Куда отправлять, тоже, надеюсь, знаете... Речь в данном случае о вас.

— Не ко двору, значит?

— Разберемся.

Секретарь был человеком опытным, через многое прошел в своей жизни и ценил то, чего добился. И потому старался отвечать, как бы заранее предполагая, что в кабинете есть третий человек, есть записывающее устройство или еще что-то в этом роде, и его слова могут быть истолкованы ему во вред. И потом, давала себя знать многолетняя практика поведения на трибуне, в президиуме. И нельзя было не заметить, что эти вот ускользающие его слова, неуязвимость доставляли ему какое-то неизъяснимое наслаждение.

Он понимал, что есть в его словах второй смысл, торжество безнаказанности. Все это и грело его продажную душу.

Прекрасно понимаю, что слово «продажная» в приложении к душе партийного секретаря как бы вываливается, нарушая беспристрастность повествования. Но я подумал: а нарушу-ка эту притворную отстраненность и да простится мне это. Тем более что слово это неплохое само по себе, да и употреблено достаточно точно, поскольку в полной мере передает суть происходящего и авторское отношение к этому человеку. И потом, давайте согласимся с тем, что наши партийные руководители так привыкли ссылаться на всевозможные факторы мирового значения, важность текущего момента, так привыкли беззастенчиво спекулировать всем этим, что выслушать отдельного человека кажется им чуть ли не унижительным. А следовательно, души у них все-таки продажные. Поскольку сегодня, с

изменением опять же текущего момента, они готовы выслушивать кого угодно с утра до ночи — лишь бы в кресле уцелеть.

— Послушайте, кирпич я оплатил. У меня есть документы, есть квитанция, платежка...

— Не будем сейчас об этом. Создадим комиссию, введем в нее авторитетных товарищей, они во всем разберутся и доложат. А мы примем решение. От вас требуется немного — объяснение. Вот и все. Больше вас не задерживаю, Леонид Семенович.

Такие дела.

Все мы прекрасно знакомы с ритуалом уничтожения личности, он отработан до мельчайших подробностей, и даже круглый дурак, усевшись в соответствующее кресло, может блестяще справиться с этой задачей.

Скажу сразу — ничего не помогло Леониду Семеновичу. Дошло до того, что он силком приволок к своему гаражу начальника ОБХСС района. Они вместе пересчитали несчастные кирпичи, которые пошли на стенку, — оказалось, что построен не весь гараж, а лишь поставлена разделительная стенка. Пятьсот штук насчитали, о чем и составили справку.

— Нет, — говорил секретарь улыбаясь. — Вам не удастся нас провести, дорогой Леонид Семенович. Ведь мы прекрасно знаем, что вы уложили в гараж тысячу кирпичей, а документы у вас только на полтысячи. Следовательно, пятьсот кирпичей похищены. Это позорно для члена партии. Оставлять такие вещи безнаказанными нельзя. Партия должна свято хранить чистоту своих рядов, иначе ее перестанут уважать, ей перестанут доверять, Леонид Семенович.

Второе обвинение — использование экскаватора в личных целях. Что произошло? Личные гаражи каждый раз после дождя заливало водой. Это продолжалось довольно долго, пока однажды Кучеренко не подогнал обыкновенную поливалку и не промыл канаву, по которой дождевая вода уходила в овраг.

Вот и все. Вроде и говорить не о чем.

— Позвольте! — орал Кучеренко на парткоме, взывая к здравому смыслу. — Никакого экскаватора там не было. Не войдет он между двумя рядами гаражей! Габариты не позволят!

— А как же вам удалось прорыть канаву? Ведь вы не отрицаете, что именно вы ее прорыли?

— Струей воды! Остальное сделали дожди! Без меня уже другие люди ее забетонировали!

Он оглядывался по сторонам и с ужасом видел каменные лица, озабоченные чистотой партийных рядов. Непреклонность была на этих вроде бы таких знакомых физиономиях. Все они чего-то ждали, на что-то надеялись — большое или маленькое повышение, очередь на квартиру, на машину, на дачный участок... И упреки он их сейчас в продажности — возмутятся. Искренне возмутятся.

— Ну что, товарищи, — поднялся Елисов. — Мне кажется, положение ясное. Мы не можем допустить, чтобы в руководстве комбината были люди такого вот пошиба. Прикрываясь интересами дела, Кучеренко, как выяснилось, больше всего озабочен личным благополучием. И я затрудняюсь сказать, чего он принес больше нашему производству — вреда или пользы. Мне кажется, в партии таким не место. Мне кажется, и вы, надеюсь, со мной согласитесь...

И так далее.

Все мы таких речей наслушались, каждый может продолжить слова директора по своему усмотрению, и вряд ли кто ошибется.

Проголосовали.

Почти единогласно. При одном воздержавшемся. Главный инженер воздержался. Только на воздержание его и хватило. Хотя из-за него и разгорелся весь сыр-бор.

А дальше все автоматически. Снятие с должности, увольнение. И годы, потраченные на постепенное продвижение по службе, самоутверждение, опыт руководителя, знание производства — все перечеркнуто.

Надо признать, что честность — черта весьма опасная для нашей системы. Но в том, что система разваливается, что из партии люди бегут, как с обреченного корабля, сомнений нет. Один только пример с Кучеренко, помноженный на миллионы подобных случаев, все объясняет. Оказывается, партии нужны отнюдь не специалисты, не думающие и ищущие, нужны доносчики, стукачи, подхалимы. Именно на этих людей была сделана ставка, именно их поощряли и плодили все семьдесят лет, одаривая должностями, властью, жратвой. В результате сегодня мы видим разваливающуюся страну, полуголодное, озлобленное население, духовно опустошенную молодежь. Мы видим страну, победившую в крупнейшей войне человечества и тем не менее попрошайничающую у той страны, которую разгромила, чем и гордится до сих пор. Смещены человеческие ценности, нравственные, экономические, социальные, политические. И сидят в кабинетах секретари и думают неустанно, как бы им повысить авторитет партии, возбудить доверие к ней и любовь народных масс...

Ну пусть думают. Авось.

Да, а над Кучеренко сжалились.

Электриком оставили.

И на четвертом десятке лет один из лучших специалистов комбината вынужден был лазить по столбам в поисках неисправностей.

И лазил.

Обидно? Да. Но сожаления не было.

А казалось бы — чего проще? Напиши, чего просят, и жизнь твоя сразу обретет значительность и перспективу. И перестанешь быть белой вороной. Да и человек-то, которого ты спас, как выяснилось, не больно того заслуживал — сам потом шарахался от Кучеренко как от прокаженного, хотя и должность, и положение позволяли Дмитрию Ивановичу вмешаться в события. Не вмешался.

Вот в таких вроде бы невинных положениях и определяется окончательная цена человека. Когда на кону и все, и ничего. Ведь совсем нетрудно себе представить, что произошло бы, напиши Кучеренко донос, который от него требовали. А ведь при некоторой ловкости изложения он мог написать чистую правду, но так, что она оказалась бы убийственной. И перед собой можно было бы остаться чистым и честным. И занять высокую должность, и войти в круг приближенных, и получить Звезду Героя — горнякам звезды давали охотно...

Не написал.

Спрашиваю: почему?

— А черт его знает! Что-то в этом предложении было нехорошее. Это

сейчас я могу говорить разные слова... Дескать, для меня оскорбительно прозвучало, дескать, как вам не стыдно предлагать мне такое, и так далее. Тогда было проще. На подсознании все прошло. Я их послал, они меня послали... И все. Это потом уже, сидя на столбах, я произнес для себя все нужные слова и все расставил по местам. Но скажи они мне в любой момент: напиши — и все вернется... Нет. Честь имею.

После отбытия наказания на электростолбах кое-что забылось, простилось, да и время сгладило конфликт, но работать после этого на Северном горно-обогатительном комбинате под руководством Елисова, работать выкладываясь, не считая часов, суток, недель... Это было уже невозможно. И Кучеренко уходит главным инженером на Савровский карьер — недалеко от Севгока.

А дальше начинается в его жизни какая-то чехарда.

Через полгода он получает приглашение стать директором Волновхского карьера в Донецкой области. И уезжает туда.

А тут удар с самой неожиданной стороны — жена.

— Да и кто выдержит, — пытается объяснить самому себе Леонид Семенович. — Из каждого месяца я всего несколько дней дома... А у нее на руках два сына, двойняшки... Никому это не нужно. И я рванул так далеко, так далеко, что дальше, наверно, и не бывает, — в Северную Якутию. Золото добывать. Есть там такой рудник с красивым названием — Омолой. Взяли начальником производственного управления, то есть фактически заместителем главного инженера. Работы хватало — больше десятка шахт в управлении. Позвал жену с детьми... Поначалу вроде согласилась, но не приехала. Детей отправила самолетом, а от себя письмо прислала. Очень обиженное письмо. И несправедливое. И тогда оно мне несправедливым показалось, и сейчас я его таким считаю. Ну да бог с ней... Дети и тогда со мной работали, и сейчас, в 1990 году, они со мной. И слава Богу. К приезду в Якутию они уже армию отслужили, им надо было на свою дорогу выходить, да и подзаработать нужно...

Все бы хорошо, но чехарда продолжалась. Опять сорвался Леонид Семенович. И зарплата высокая, и квартиру дали со всеми удобствами, и уважение тебе... Но не выдержал. «Много дурной работы» — так он объяснил. Отчетность, ожидаемая добыча золота к концу месяца, ожидаемая добыча золота к концу квартала, к концу года... Все управление лихорадит — кто среднее по отчетам выводит, кто по шахтам шастает, кто просто на кофейной гуще гадают. Работа с семи до семи, а потом приходилось нырять в шахту и там до двух ночи. Сорокалетие уже за плечами, а на тебе добыча, техника безопасности, аварийность, производительность, запчасти, запой бригады, запой специалиста...

И — неожиданная встреча с Юрием Михайловичем Тхориком. Когда-то работали вместе, а теперь, как оказалось, тот руководит золотодобывающим управлением в Забайкалье. В коридоре столкнулись лицом к лицу.

— Юрий Михайлович! Дорогой! Забери меня отсюда ради бога! Нет больше сил! С ног валюсь! — взмолился Леонид Семенович. А в скобках, кстати, замечу — Юрий Михайлович Тхорик тоже в тюрьме оказался, там и погиб. Уголовники вбили ему в ухо остро отточенный карандаш, есть

такой невинный способ расправы. Легкий удар ладони — и ни человека, ни следов убийства.

— Да ты что?! — изумился Тхорик. — С такой высоты! Ты же здесь заместитель главного, вот-вот главным станешь, десяток предприятий в подчинении...

— Забери!

— Кем?!

— Не важно! Обрыдло! Не могу. Участок дашь?

— Начальником участка в артели? Леонид Семенович! Опомнись!

— Берешь?

— Ну... Раз так... Если отпустят. Тебя ведь просто так не отпустят, я знаю.

— Пусть попробуют.

И ведь попробовали.

Рвали заявления, теряли их, предлагали все, что могут предложить нужному человеку на севере Якутии. И долго не могли поверить, что заявление Кучеренко об уходе — это не лукавый ход, что не вымаливает человек таким вот образом благ и льгот, нет, действительно рвется уехать. Около месяца шла отчаянная борьба, но в конце концов Леонид Семенович настоял на своем. Уехал.

И — как из огня да в полымя.

Золотодобывающий участок оказался в районе Таратушихи, чуть ли не в тысяче километров от Читы. Места глухие, можно сказать, дикие. Приехал, а на участке бунт. Прежний начальник, отсидевший незадолго перед тем в заключении, довел людей, что называется, до ручки — голодные, холодные, есть нечего, работать нечем. А артельщики все бросили и сбежали. Застал Кучеренко только повара, шофера да самого начальника.

И начинай как знаешь.

И снова зона риска, снова все на грани возможного, на предельном напряжении сил.

Тринадцать человек удалось найти, уговорить, вернуть. Представьте: июнь, на Шилке разлив, несколько месяцев упущено, скоро осень, а она здесь наступает рано, развернуть работы в полной мере уже не удастся, а тут еще надо строить общежитие, доставать питание, инструмент, организовать хоть какую-то добычу...

План — тридцать килограммов золота на участке, который никогда не давал больше трех килограммов. Почему тридцать? А потому. И весь ответ.

Увеличить добычу золота за один сезон в десять раз? Упустив несколько месяцев и не имея достаточно рабочих? Возможно такое? Без базы, техники, без запчастей и горючего, без питания и жилья...

Результат... В него попросту не хотели верить. План был выполнен. Государство получило более тридцати килограммов золота самой высокой пробы. А кроме того, были сданы общежитие, мастерские, завезено оборудование. В это действительно не хотели верить.

— Когда убедились, объяснили просто: хохлу повезло! — смеется Кучеренко. — Дескать, жилу золотую нашел! А участок-то уже выработанный, брошенный за негодностью, признанный бесперспективным. Только потому мне его и дали!

— Что же произошло? — спрашиваю.

— А то произошло, что мы перемили песка в десять раз больше, чем обычно перемывали. И естественно, получили золота тоже в десять раз больше. Вот и весь секрет. Ответ один — кровь и пот. Скажу больше: на следующий год мы утроили добычу: получили центнер золота. Повторяю — на участке, где ежегодная добыча составляла три килограмма. А через год дали уже более двухсот килограммов... Но это была работа, — он покачал головой.

Небольшое сравнение. Рядом, на свежем участке, работал государственный рудник, шестьсот человек. Они были обеспечены всем необходимым — жилье, питание, одежда, фонды, техника. И этот рудник давал в год сто двадцать килограммов золота. При том что здесь был шагающий экскаватор, мощные американские бульдозеры, две драги, каждую из которых можно сравнить с целым кораблем, да еще около тридцати малых бульдозеров. На участке у Кучеренко, на отработанном, снова повторяю, участке трудилось пятьдесят пять человек, никаких фондов, а из техники — лишь полтора десятка малых бульдозеров. А добыча в полтора раза выше. Производительность выше в семь раз. Зарплата — в четыре раза. Три зарплаты — экономия государства. Та самая экономия, которая сегодня оборачивается полным разорением.

Еще одна маленькая подробность о нашем перевернутом мире. По установленному положению артельщики обязаны были сдавать добытое ими золото соседнему карьере по шесть рублей за грамм. Сам же карьер сдавал это самое золото государству уже по пятнадцать рублей за грамм. Где тут здравый смысл, где коммерческий расчет — неизвестно. Но налицо расчет другой — экономически задушить тех самых артельщиков, которые давали больше всего золота, причем самое дешевое золото.

2. КАМЕРА СМЕРТНИКОВ

И вот только тут, несмотря на все обилие приключений, в жизни Кучеренко наступает настоящий перелом. Это с ним происходит постоянно — после успехов и побед обязательно подстерегает срыв. На каком-то своем витке забывает, кто он есть, забывает об осторожности, о смещенных ценностях и перевернутом мире, в котором живет.

Чуть крылышки расправит — и на тебе!

Ну в самом деле — на брошенном, списанном участке поднять добычу золота с трех килограммов в год до двух центнеров... Это ли не успех! Благодаря его участку карьер, к которому он был приписан, стал выполнять план, на него посыпались премии, награды, ордена! И в ликовании, в радостном угаре все как-то и забыли о том, что половину плана дали артельщики, хотя и было их в десять раз меньше, не говоря уже о нищенской технике, которую они использовали...

Когда через год Кучеренко решил удвоить добычу золота на своем участке, понадобилась землеройная техника. Сообразили — достать списанные, брошенные бульдозеры, отремонтировать и пустить в дело. Руководство управления командировало его в Кривой Рог, на Северный горно-обогатительный комбинат, где он когда-то работал, преуспевал и откуда его, как непокорного, выгнали. Однако друзья остались, и с их помощью

удалось найти два устаревших, списанных бульдозера Т-180. Договорились, купили, оплатили, доставили. С их-то помощью он и удвоил добычу золота. Но когда на участке затеяли новый рывок, этой техники оказалось недостаточно.

И Кучеренко снова едет через всю страну в свой Кривой Рог, как он говорит иногда. И на каких-то складах Севгока находят шесть списанных бульдозеров ТД-25С. Это была польская техника, изготовленная по лицензии какой-то западной фирмы. Наши закупщики, соблазнившись звонкими титулами фирмы и названием бульдозера — «Сталева воля», сотню закупили их для карьеров. И через два-три года все списали за негодностью — бульдозеры оказались совершенно непригодными для скальных пород. Но на сыпучих грунтах Забайкалья могли еще поработать.

Так вот, из этой сотни Севгоку досталось шесть штук. Когда Кучеренко нашел их на свалке комбината, первые из бульдозеров уже начали резать на металлолом.

— Я взвыл! — рассказывает Леонид Семенович. — Как дикий зверь! Что вы делаете?! Остановитесь!

Остановились.

Высокие договаривающиеся стороны оформили покупку, обменялись необходимыми бухгалтерскими формальностями, и два бульдозера отправились в далекое Забайкалье. Остальные четыре спасти не удалось. Благодаря им комбинат поправил свои показатели по сдаче металлолома.

— С этими двумя мощными бульдозерами мы в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году дали государству более семи миллионов рублей в твердой валюте, — говорит Кучеренко, но тут же спохватывается: — Прошу прощения — участок дал. Уже без меня. Сам я к тому времени сидел. Шло следствие.

Первое, что пришло в голову, когда я узнал об этом, — может быть, личные доходы Кучеренко превысили разумные пределы? Нет, он, как и прежде, получал плановую свою зарплату, и многомиллионные валютные поступления, которые дал участок государству, никак не отразились на его благосостоянии.

Дело было в другом — донос.

Поступило в УБХСС Кривого Рога лукавое письмишко — так, дескать, и так, мотается тут один, технику скупает, тыщами ворочает, надо бы присмотреться.

Это у нас просто — только намекни.

Присмотрелись к Леониду Семеновичу.

Вам никогда не приходило в голову, какой необузданной гипнотической силой обладают доносы для некоторых наших должностных лиц? Что-то такое произошло в их душах, какие-то зловещие смещения, вызывающие в них прямо-таки сладострастный трепет при виде бумажки, подписанной очередным благожелателем. В доносах чувствуют они необъяснимую привлекательность, и, естественно, доверия к доносам больше, и чувство признательности к доносчику неизменно ощущается в том усердии, которое проявляется в поисках доказательств, в поисках крамолы, криминала и компромата. И в голову усердным сыщикам не приходит, что за доносом чаще всего стоит обыкновенная зависть, ненависть, злопыхательство, нежелание мириться с тем, что сосед получает на десятку больше...

Откуда это идет, с каких таких двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятих годов, мы знаем. Но возникает прямо ошарашенность, когда время от времени убеждаешься в том, что ничегошеньки с тех пор не изменилось.

Что произошло...

Собирается в отпуск кладовщик артели. И на его беду, а скорее на беду начальника участка, Леонид Семенович, проходя мимо, обратил внимание: что за мешки грузит кладовщик в машину?

Подошел. Спросил. Поинтересовался, так сказать.

— Да, знаете, Леонид Семенович, то-се... За год набралось...

А сам юлит, торопится, чтоб скорее отъехать и от неприятных объяснений уйти. И Кучеренко в очередной раз подводит плохое воспитание. Вместо того чтобы деликатно поверить и пойти своей дорогой, он берет один из мешков и вытряхивает содержимое на землю. Глазам изумленных артельщиков предстают связки их постельного белья. Новенькие простыни, пододеяльники, наволочки. Со штампиками, бирочками и прочими опознавательными знаками.

Ну что, дальше все ясно. Составили акт, вскрыли остальные мешки — а там крупа, продукты и прочее артельное имущество. И выгнали бедолагу. А был тот кладовщик родом из Кривого Рога, половина артели была криво-рожской.

Дальше рассказывать?

Дальше все ясно.

Вернувшись и осмотревшись, бывший кладовщик садится и пишет письмо: «Считаю своим долгом сообщить...»

Нет, он не просто подличает, он выполняет гражданский долг. Куда деваться, несколько поколений выросли, ежедневно слушая заверения в том, что доносить — священный долг каждого советского человека. На соседа, на папу и маму, на сынишку и доченьку... И естественно, все службы государства горячо и охотно откликаются на проявления патриотических чувств своих граждан.

И как откликаются!

Начальник ОБХСС Терновского района Кривого Рога майор Л. И. Здор, тогда он еще был майором, сейчас звезд у него заметно прибавилось, и следователь по особо важным делам Г. И. Пистрюга развернули дело с невиданным размахом. «Золотаря прихватили», — прошел шепоток по правовым коридорам. Среди подозреваемых, а потом и обвиняемых оказались высокие должностные лица Северного горно-обогатительного комбината, замелькали цифры хищений со многими нулями, замелькали взятки, подкуп и вредительство. Речь пошла о сотнях тысяч рублей ущерба, а потом уже и о миллионах. «Расстрельное дело!» — прошел очередной шепоток по правовым коридорам Кривого Рога и Днепропетровска. Да, Кучеренко по первоначальным обвинениям действительно тянул на расстрел.

И ведь до чего талантливыми следователями оказались Здор со своим Пистрюгой — психологии не чурались, смело вводили ее в практику допросов. Приглашают, к примеру, в кабинет жену Леонида Семеновича, вводят его самого, отощавшего и издерганного, и зачитывают вслух выстраданное свое заключение. Так, дескать, и так, расстрел положен за содеянное вашему супругу, да еще сорок два года заключения, если суд отнесется к нему по справедливости. С выражением зачитали, сурово, с непреклонностью во

взгляде и даже с некоторым сочувствием. Ожидали бабьего визга, ведь знали, что у Ларисы на руках двое детей чуть ли не младенческого возраста. И от самого Кучеренко ожидали хорошей такой, убойной и полезной для дела реакции. Мол, подпишет все, что ни подсунем. А требовалось от него действительно немного — подмахнуть кое-какие бумажки, впрямую его даже не касающиеся, кое в чем признаться, кое-кого оговорить слегка, лет этак на семь-восемь, вот и все. Да, опять потребовался оговор. Похоже, у нас не много в стране дел, где можно без этого обойтись.

— Вопрос можно? — спросила Лариса.

— Конечно! Пожалуйста! — зачастили Здор с Пистрюгой. Они прямо вытянулись на изготовку, чтоб успеть записать нечто важное.

— Скажите, а как у вас принято... Сначала вы его расстреляете, а потом посадите на сорок два года, или же вначале он эти годы отсидит, а уж потом будет расстрел?

— Вон! — заорали Здор и Пистрюга в один голос.

С психологией накладка вышла.

Но давили не только на психику. Целая бригада следователей, бухгалтеров, финансистов, мастеров поиска и сыска выезжали в далекое Забайкалье ревизовать деятельность Кучеренко. Их похождения там достойны отдельного романа, но надо признать — ничего не нашли. Кроме самого Кучеренко. Его-то с собой и привезли. Обманом и посулами заманили. Мол, надо поговорить, надо кое-что выяснить, кое в чем разобраться. И тот по простоте душевной согласился с ними ехать, хотя мог, имел право и не делать этого. Не было оснований, предписаний и постановлений. Но подумал: решу все сразу, одним махом — и опять за работу.

А в аэропорту Кривого Рога отряд встречает. Машины, охрана, конвой, начальство в «Волгах». «Золотаря привезли», — прошел очередной восторженно-опасливый шепоток. И тут же Кучеренко под стражу и на девять месяцев. Причем последние три месяца он отсидел без всяких санкций. Просто так. На усмотрение следователя Здора и следователя Пистрюги. Заметьте, посадили человека, вина которого ни в чем не доказана, когда даже обвинения предъявлено не было.

Девять месяцев.

Но мне известны случаи, когда вот так же, в предварительном заключении, люди сидели годами, три, четыре года. А потом их просто выпускали. За отсутствием состава преступления. За отсутствием самого факта преступления. То есть люди не просто невиновны, но и винить-то их, оказывается, не в чем.

А девять месяцев... Везунчиком оказался Леонид Семенович.

Но может быть, Здор и Пистрюга впали в искреннее заблуждение? Ничуть.

— В первый же день, как только из аэропорта меня доставили в ОБХСС, Здор велел всем из кабинета выйти и сказал мне таковы слова: «Двадцать тысяч на стол — и отправляйся в свою артель». Дурак я был, глупый дурак! Мне бы по ребятам пойти, собрать эти деньги и отдать! Гори они синим пламенем! А я начал спрашивать за что да почему... Вот они мне и ответили.

Началось следствие. По всем фронтам, как говорится. Так можно работать, когда убежден — виноват каждый, ворует и расхищает каждый и

дело лишь в том, чтобы доказать. Похоже, наши мастера сыска, Здор с Пистрюгой, действительно уверовали, что посадить они могут каждого, было бы желание и этот, как его... донос. А желание у них было, донос тоже в папочке.

Узнав, что в адрес Забайкальской артели ушел вагон с запчастями для бульдозеров, следователи тут же дают предписание вернуть вагон, хотя он к тому времени уже прибыл на станцию назначения. А казалось бы, зачем возвращать? Сделайте опись содержимого — этого вполне достаточно для доказательства. Нет, через всю страну, через семь часовых поясов, через треть земного шара погнали Здор с Пистрюгой вагон обратно в Кривой Рог.

Пригнали.

Вскрыли.

Действительно, запчасти. Бывшие в употреблении. Что с ними делать? Ссыпали в откос, где они и поныне валяются, заросшие бурьяном. Фотографии в деле есть — очень красивые снимки получились. Украинская степь, высокие травы, цветы, чертополох... и запчасти.

Задумаемся: неужели следственные органы не обязаны думать об экономической стороне своей деятельности? Или же Здор с Пистрюгой полагали, что сама сумма потраченных ими средств говорит о значительности дела? Вот, дескать, какие мы усердные да старательные — сотни тысяч израсходовали, уличая преступников. Протянись следствие еще год, глядишь, они запросто потратили бы те миллионы в твердой валюте, которыми так гордится Кучеренко.

В заключении, не имея возможности никак себя защитить, Леонид Семенович прибегает к единственному доступному в его положении средству — дает отвод Пистрюге, как «вымогателю и садисту». Были у него основания так назвать следователя, но это отдельная тема. Прокурор, естественно, отклоняет отвод, поскольку доволен Пистрюгой, а Пистрюга доволен прокурором.

Есть еще один очень хороший, действенный способ получения важных показаний — отправить человека в психиатрическую больницу, якобы на обследование. Здоров ли, разумен ли, вменяем ли, может ли отвечать за содеянное.

И этот способ применили. Месяц был Кучеренко в психушке. Незабываемый месяц.

— Привезли меня на Игрень под Днепропетровском. Врач встречает. Ласковый, заботливый, в белом халате, улыбается сочувственно. Что беспокоит, спрашивает, на что жалуетесь, нет ли видений, сновидений... Да нет, говорю, все слава Богу. Ну что ж, ответствует, разберемся... Голос негромкий, взгляд почти отеческий... И прописывает — серный укол в задницу. Как же меня ломало, как крутило! Выл! — Кучеренко смотрит на меня в упор не видя. — Как я выл! Я не знал, что вообще возможна такая боль, такие мучения человеческие... А врач, ну этот, который в белом халате и с заботливым взглядом, уже бумажку подсовывает. Знает, сволочь поганая, когда наступает момент, что человек уже не владеет собой. Подпиши, дескать, тут вот вышла срочная надобность подписать, именно в этот момент. А я только глянул на бумажку — Здор с Пистрюгой изготовили и сюда прислали.

— Подписали?

— Не подписал. Послал я этого... в белом. Часов через шесть меня отпустило. Только в себя пришел, только испарину со лба вытер, а меня снова на укол. И опять серу в ягодицу... Месяц я там у них был, все они никак убедиться не могли в моей вменяемости. Но в конце концов здоровеньким признали и в Кривой Рог вернули. А там уж меня Пистрюга ждет не дождется.

От полной безнадежности Леонид Семенович идет на крайнее средство — в кабинете следователя в присутствии адвоката глотает металлическую ложку, унесенную из камеры. Думал, операция будет, перемена обстановки, передышка... Ничего подобного. Просветили его в тюремном лазарете, убедились, что ложка на месте, не вся правда, только остро обломанная ручка, и повезли в днепропетровскую тюрьму на операцию.

— Если бы операция состоялась, я бы не встал со стола. И начал дурака валять. Мол, какая ложка, о чем речь, я здоров как бык! Это меня в камере с кем-то перепутали, и вообще я есть придурок, недавно с Игрени выпустили... Санитары посомневались, опять засунули меня в машину и покатали снова в Кривой Рог. До сих пор с ложкой живу. Иногда болит, после нерво-трепки. Напоминает мне, чтоб не забывался, чтоб помнил, где живу...

— А еще была камера смертников в днепропетровской тюрьме. Ниже всех этажей, глубже всех подвалов и казематов есть небольшой коридорчик с камерами для этих самых смертников.

— Утром слышу вопль... «Братишки... Прощевайте...» Повели, значит, одного...

— На расстрел?

— А черт его знает, может, и на расстрел. Сидишь в подвале неделю, вторую, третью... Никаких сведений, никто тебя никуда не вызывает, никаких тебе вопросов не задают... А Пистрюга свое заключение о расстреле уже зачитал... Что мне думать? И не мне ли на следующее утро придется орать дурным голосом «Прощевайте!»?

— Но ведь суда еще не было?

— А какая у меня уверенность, что он будет? После всего... Какой суд, на суд я уже и не надеялся.

— И сколько вы были в этой камере смертников?

— Около месяца. Больше б продержали — умом бы тронулся. А когда, натешившись, привели в общую камеру... Ну вроде как в Большой театр на премьеру попал... Люди, голоса, движение какое-то... Свет в окошке... Поначалу уголовники попытались меня приструнить, но когда выяснилось, откуда я, из какой такой камеры... О! Почет и уважение. Первый человек в камере. А нас там было около шестидесяти. По их правилам, любой каприз бывшего смертника положено исполнять... Кстати, Здор с Пистрюгой не имели права меня в этой камере держать, они вообще обязаны были меня отпустить, поскольку все санкции прокурора кончились несколько месяцев назад. И эти месяцы они просто куражились, показывали мне настоящую цену нашего закона. А сейчас большие люди, оценили их мастерство и усердие... Уже на перестройку работают.

Трижды откладывался суд — все не находилось у следствия доказательств. Но оправдательный приговор и не обсуждался. Не принято у нас выносить оправдательные приговоры, даже если следствие после годичных отчаянных усилий не может найти вины подсудимого. В таких случаях суд

возвращает дело на доследование и требует: «Ищите!» И те снова ищут. А поскольку все, что можно было найти, уже давно найдено, начинают попросту создавать доказательства, фабриковать их...

Вот еще один из примеров того, как усердие превозмогает разум. Убедившись в полном отсутствии доказательств вины Кучеренко, наши мастера поиска и сыска решают снова отправиться в Забайкалье. И снова летит туда неустомимый Пистрюга. И что делает...

Была в артели такая затея, она у нас в стране по бедности довольно распространена, — с каждой зарплаты люди скидываются по десятке, к примеру, а когда у кого день рождения или еще какая надобность в деньгах, из общей суммы ему выделяют сколько-то там рублей. Черная касса, так это называется. В артели деньги для этой самой кассы собирал механик, Кучеренко вроде бы к этим деньгам не имел никакого отношения. Но Пистрюгу это не смутило. За дело он взялся круто и, как говорят, засучив рукава. Вызывает человека в отдельный кабинет и говорит суровым голосом: «Или ты сейчас подпишешь показания о том, что Кучеренко обирал вас на сколько-то рублей ежемесячно, или же ты летишь со мной в Кривой Рог и там уже с тобой начнут работать наши ребята».

И что вы думаете? Дрогнули рабочие. Дрогнули, как это ни прискорбно. А когда бумажку подпишет один, второй, третий... Дальше легче.

Торжествующий Пистрюга летит в Кривой Рог, на Украину, и лежат в его портфеле несколько десятков показаний, уличающих Кучеренко в поборах.

— Ущучил золотаря! — хвалился он начальству, и начальство смотрело на него благосклонно и поощрительно, прикидывая — не пора ли ему звезду новую на погоны, не пора ли кабинет попросторнее?

Но надо отдать должное рабочим участка — приехав в отпуск, они плотной толпой в несколько десятков человек отправляются в ОБХСС, и устраивают самый настоящий скандал, и отрекаются от всех своих показаний, добытых, как они выразились в своем заявлении, «методом угроз и насилия».

А с Пистрюги как с гуся вода. Оказывается, такой способ добывания доказательств — норма, дело привычное. Не получилось — и ладно. Следующий раз получится. И получается.

Но был один факт в многотомном деле, который в конце концов и сыграл свою роковую роль. Речь о тех самых польских бульдозерах «Сталева воля». Два бульдозера отправили в Таратушиху, а четыре на переплавку, как вы помните. Так вот, приобретенные они были без должной технической документации, необходимой для грамотного их использования, ремонта, замены отдельных узлов отечественными. И Кучеренко договаривается с тремя сотрудниками Севгока о том, что в нерабочее время они все необходимые документы и рекомендации подготовят, помогут с восстановлением бульдозеров и укомплектацией. Чтобы оплатить эту работу, Кучеренко ведет ежедневные ведомости. В общей сложности на троих было выписано 7700 рублей. Эту ведомость Кучеренко отправляет в управление. Но там выдать деньги отказались на том основании, что работники Севгока не представили справки о том, что им разрешено работать по совместительству. Сейчас вроде такие справки уже не очень нужны, а тогда отсутствие их

произошло многими бедами. И ребятам сказали: присылайте справки — вы тут же получите деньги.

Вот и все.

И — суд.

Не буду описывать во всех подробностях, хотя их было немало, и довольно забавных, опустим их. Приведу лишь несколько выдержек из приговора — они позволяют в полной мере насладиться мастерством Здора и Пистрюги.

«Обвинение в разукomплектовании бульдозеров подлежит исключению из общего обвинения... И этот эпизод подлежит исключению из обвинения... Переданные по расходному ордеру деньги нельзя расценивать как взятку... Судебная коллегия не усматривает хищения и дачи взяток... Нельзя согласиться с квалификацией, предложенной следственными органами... Обвинение подсудимых в части злоупотреблений по службе при ремонте и отгрузке бульдозеров подлежит исключению... Обвинение в получении взяток является несостоятельным... Доказательство своих выводов следственные органы не привели... В результате проведенной инвентаризации недостачи не установлено. Трубы, задвижки, втулки были найдены на свалке, и поэтому хищение указанных ценностей подлежит исключению из обвинений... Потерпевший в судебном заседании заявил, что свои показания он писал под диктовку работников ОБХСС... Какие-либо доказательства виновности Кучеренко... следственные органы не добыли...»

Подобные выдержки можно приводить страницами.

Хороши работнички, а! Лишили государство многих миллионов рублей в твердой валюте, сломали судьбы десяткам людей, получив за это новые звезды на погоны; пересев в новые кабинеты, они продолжают свои усилия с новой силой. На кого же работают эти талантливые мастера поиска и сыска?

И что же это за система такая, при которой один служака с усердием не по разуму может вот так запросто лишить государство миллионов, а его честных граждан — свободы?

Среди обвиняемых был начальник горнотранспортного цеха Севгока Давид Данилович Попиашвили. После третьего инфаркта он лежал в больнице, но обманом его выманили в зал суда. Заверили, что заслушают как свидетеля, а когда привезли, посадили на скамью подсудимых. Его оправдали. Но лучше бы ему получить срок. Когда огласили приговор и суд закончился, к нему подбежала прокурорша Силенина.

— Ах, Давид Данилович, Давид Данилович! Я вас поздравляю! Но как же мне домой добраться? Может быть, подбросите, а? Не в троллейбусе же мне сорок километров трястись!

— Как подбросите?! — взревел Кучеренко. — Он после третьего инфаркта! Вы же сами дали команду из больницы его привезти! Он умрет по дороге!

— Нэ надо, Леонид, — Попиашвили отвел рукой Кучеренко в сторону. — Поехали, — великодушно сказал он Силениной.

И он отвез прокуроршу домой.

Сорок километров туда и сорок километров обратно.

И вернулся.

Переступил свой порог... И умер. На пороге упал и умер.

Во время похорон шел дождь, но собралось более пяти тысяч человек. Поппашвили любили на комбинате. Это был красивый и благородный человек.

Подумали ли хоть тогда охваченные охотничьим азартом Здор с Пистрюгой о социальной, нравственной стороне своего безумного усердия?

Вряд ли.

Они до сих пор уверены, что исполняли свой священный долг. Как и прокурорша Е. Г. Силенина. Бабья капризность и недалекое бабье тщеславие оказались в ней куда выше милосердия, сочувствия. Господи, да откуда им взяться в душе мелкой и недоброжелательной!

А Кучеренко осудили.

Вот как это звучало: «Подсудимый путем учинения служебного подлога из корыстных побуждений совершил хищение 7700 рублей общественных средств артели «Южная».

Хочется высказать догадку: не потому ли осталось это дурацкое обвинение, что требовалось хоть как-то оправдать многомесячные усилия следствия, невероятную его стоимость, многочисленные правовые нарушения... Оправдать после всего этого... Неловко.

И потому — шесть лет строгого режима.

Все-таки не расстрел.

Но что происходит дальше!

Получив свои шесть лет... Кучеренко отправляется домой. Его не взяли под стражу в зале суда. Ограничились подпиской о невыезде. Как это понимать — никто толком объяснить не мог. И он, поразмыслив, нарушает подписку, отправляется в Киев, в республиканскую прокуратуру.

И опять начинается нечто странное.

Ходит человек по высоким правовым коридорам, заглядывает в кабинеты, извиняется и говорит, что, мол, так и так, он есть осужденный к строгому режиму Кучеренко, и надо бы с кем поговорить на предмет отмены этого самого режима. А ему отвечают, что он ошибся кабинетом, что надо подняться на следующий этаж, прийти на следующий день, а он опять за свое...

Но добился — Верховный суд Украинской республики снизил ему наказание до трех лет.

Уже легче, но за что?

Возвращается Кучеренко домой, в свой Кривой Рог, прописывается, как положено, и продолжает недоумевать. Больше всего хотелось сломать затянувшееся недоразумение, включиться в работу. Опять же ждали его в Таратушихе, слали телеграммы, звонили, ходоков присылали — хватит тебе, мол, дурака валять, у нас работать некому, добыча упала, а ты там со своим правосудием никак не разберешься...

Да, совершенно верно. Звали его в ту самую артель, которую он, по мысли суда, наказал на семь с лишним тысяч рублей. В чем же дело? А дело в том, что Леонид Семенович родную артель не наказывал и даже не собирався этого делать. Никак не мог он похитить общественные деньги по той простой причине, что они остались в кассе, он их не получал. И никто их не получал. А люди, заработавшие эти деньги, сказали в конце концов: «Катитесь вы со своими деньгами, уж коли столько с ними хлопот, столько допросов, арестов! Уж коли хороший человек Поппашвили в могилу раньше

времени сошел, а Кучеренко после бесед с Пистрюгой чуть было умом не тронулся, если угрозами шестьдесят человек к оговору склонили... Катитесь!»

И отказались.

Что же получается?

Суд знал, что деньги на месте? Знал. Председатель суда Липинский Виктор Иосифович лично получил из артели «Южная» заверенные всеми возможными подписями и печатями документы, подтверждающие этот факт. Знали это и Здор со своим Пистрюгой — такие же документы сами подшили в дело. И прокурорша Е. Г. Силенина знала — утром, перед самым судом, на ее стол легли документы из артели. Кроме того, целая бригада криворожских экспертов за полчаса до суда заверила прокуроршу, что хищения нет, деньги на месте. И несмотря на все это, в приговоре было записано: «Взыскать в пользу артели «Южная» 7700 рублей, похищенных Кучеренко».

На этот раз в недоумение впадает руководство артели — им предписано взыскать с Кучеренко деньги, а деньги вот они. Как быть? Не выполнить требование столь строгого суда опасно. Выполнить? Но как? И принимается отчаянное решение — перевести деньги с одной статьи на другую, а в суд сообщить, что указание выполнено, не извольте беспокоиться.

Чем больше знакомишься с этой историей, тем больше охватывает ощущение, что многие действующие лица откровенно валяли дурака, уверенные в полнейшей своей безнаказанности. Ведь все знали, что деньги на месте, в кассе, никем не получены и потому не могут быть похищены. Но признать — это значит признать преступность многомесячного следствия. И потому — взыскать. А подвернувшемуся по неосторожности Кучеренко — шесть лет.

Вчитайтесь в этот документ и задумайтесь, кем надо быть, чтобы не понять его сути...

«Согласно акту встречной проверки, составленному главным контролером-ревизором Министерства финансов УССР по Кривому Рогу т. Вишней А. П., на момент проверки у Кучеренко Л. С. имелся перерасход по авансовым отчетам на сумму 7761 рубль, и эта сумма числится в бухгалтерии артели как невыплаченная и Кучеренко Л. С. не получена. Из пояснения к акту усматривается, что выплата зарплаты задержана по указанию руководства артели, хотя авансовый отчет у Кучеренко Л. С. был принят в полном объеме, включая ведомости на выплату заработной платы с росписями в получении этой заработной платы. Выплата же была задержана в связи с тем, что работниками Севгока не представлены правлению артели надлежаще оформленные разрешения на работу по совместительству с основного места работы. В старательской артели не числится никакой другой суммы, кроме 7761 рубля, являющейся кредиторской задолженностью по подотчету Кучеренко Л. С. Им правильно составлены ведомости на получение зарплаты. Именно по этим ведомостям Кучеренко Л. С. должен был получить деньги в сумме 7761 рубль для выплаты указанным работникам, но не получил их по указанной выше причине — отсутствие справок-разрешений дирекции Северного горно-обогатительного комбината на работу по совместительству».

В этом тексте немало явных повторов, но они вызваны тем, что руководители артели пытались втолковать криворожским юристам очевидное. Не удалось, не втолковали. Кстати, далее за этим письмом следуют подписи руководства артели — председателя и главного бухгалтера, даты, гербовые печати.

Можно было бы допустить, что друзья-приятели пытаются выручить своего товарища... Но письма-то писались в суд, в прокуратуру — тут уж не до шуток, тут десять раз проверишь каждое слово, прежде чем подпись поставить.

А Леонид Семенович Кучеренко все еще на свободе. Как человек деятельный, наступательного склада, он, не теряя времени, рванул по высшим инстанциям, пытаясь доказать очевидное — деньги в кассе. Но его быстро охладили. Причем обратите внимание, как спесиво и самоуверенно отвечают юридические чины...

Прокурор управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР М. А. Тулин: «Вина ваша в совершенных преступлениях подтверждается. Ссылка на то, что денег в сумме 7700 рублей вами не похищалась, не соответствует материалам дела».

Первый заместитель председателя Верховного суда УССР П. Г. Цупренко: «Преступные действия Кучеренко квалифицированы правильно, а мера наказания соразмерна содеянному и личности виновного».

Прокурор по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР В. И. Жуков: «За хищение, служебный подлог и соучастие в злоупотреблении служебным положением Кучеренко Л. С. осужден обоснованно».

Замечаете, как с каждым ответом его вина вроде как увеличивается и уже возникает ощущение, что шести лет ему явно маловато для полного исправления и перевоспитания.

Но продолжим...

Начальник управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР А. А. Болабольченко: «Кучеренко составил фиктивные ведомости... но денег не выплачивал, присвоил».

Заместитель начальника управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР В. Л. Кулеба: «Жалоба рассмотрена и заместителем прокурора УССР оставлена без удовлетворения по основаниям, которые сообщались ранее».

Какое единодушие! Ни у кого ни единого сомнения! И что самое интересное — все эти люди читали те самые документы, которые приведены здесь же...

Если, конечно, читали.

И вот мы с Леонидом Семеновичем Кучеренко идем к прокурору Днепропетровской области Анатолию Леонидовичу Андриевскому. Солидное, добротное здание прошлого века, голубые ели у входа, залитый солнцем зеленый проспект имени Карла Маркса — бывший Екатерининский, и Леонид Семенович с толстой папкой ответов, полученных им из самых различных правовых инстанций. То, что приведено здесь, — сотая часть. А сколько надежд и упований таила в себе каждая из этих бумажек!.. Впрочем, надежды на избавление были в самом начале, а когда пошел уже второй десяток ответов, все стало ясно — ворон ворону глаз не выклюет.

И мы в кабинете Андриевского. Радужие, доброжелательность, широкий жест — прошу садиться. Садимся. Объясняем, показываем, подчеркиваем, обращаем внимание...

— Да, — сказал Анатолий Леонидович через час. — Действительно... Здесь что-то не то...

— Конечно, не то! — срывается Кучеренко и тут же смолкает, боясь испугнуть надежду.

— Что-то надо делать, Анатолий Леонидович, — осторожно нащупываю я безошибочную тональность.

— А что делать — буду писать представление в Прокуратуру республики.

— А суть представления?

— Снятие обвинительного приговора.

— Это было бы прекрасно, — говорю я.

— Разумеется, — кивает Андриевский, — но предупреждаю сразу: в Киеве на подобные представления идут неохотно. Очень неохотно. Зайдите к Липинскому, он сейчас на месте... Может быть, он что-то подскажет.

— Виктор Иосифович? — переспрашивает Кучеренко. — Так ведь он же и приговор выносил.

— Ну и что? — улыбается Андриевский. — Ну и что?

Идем к Липинскому. Действительно, Виктор Иосифович на месте. Кабинет его небольшой, залит солнцем, в распахнутое окно видны пирамидки цветущего каштана, легкая штора чуть колышется под весенним ветерком, и сам Липинский под стать кабинету — легкий, моложавый, улыбчивый. Руку жмет крепко, в глаза смотрит прямо, улыбается открыто и широко.

— Нехорошо получилось, — говорит, и легкая тень озабоченности пробегает по его лицу. — Нехорошо. Ведь нужное дело человек делал, а? Сколько же золота страна потеряла! Уму непостижимо. А знаете, ведь мы можем освободить вас по амнистии, — обращается он к Кучеренко. — Но тут сказано... — Он взял брошюрку, полистал, озадачился. — Но тут сказано: «Подлежит освобождению». А ведь вы на свободе... Значит, вы не подлежите освобождению... А если мы сделаем так... Вы сядете в тюрьму на недельку-другую, посидите, поскучаете... А мы, как находящегося в заключении, вас освобождаем, а?

— Простите, — говорю, — но речь идет не о прощении за совершенные преступления, речь идет о снятии обвинения вообще.

— Действительно, — сокрушается Липинский. — Как это я сразу не подумал?.. Бывают издержки в любом деле, бывают... Знаете, мой вам совет — найдите хорошего, боевого адвоката. Должно получиться. А?

— А может, лучше все-таки сесть? — спрашивает Кучеренко, и дьявольские огоньки мелькнули в его глазах. Липинский в это время смотрел на свое отражение в оконном стекле и ничего подозрительного в вопросе не услышал.

— Сядьте! — подхватил он. — А что? Я могу помочь...

— Да нет, спасибо... Один раз уже помогли, — проворчал Кучеренко поднимаясь.

Оставался еще один кабинет, куда мы намеревались зайти, — кабинет председателя областного суда Надежды Гавриловны Меркуловой. Она могла многое прояснить, уточнить, расставить по местам. И, встретив сочувствен-

ное отношение у прокурора области, у заместителя председателя областного суда, я надеялся нечто похожее увидеть и здесь. Но ошибся.

Кучеренко остается в приемной, меня пропускают в кабинет. Сухонькая, решительная женщина с несколько мужской манерой поведения. Видно, хотелось ей выглядеть человеком, не знающим колебаний и сомнений в борьбе за справедливость и счастливое будущее для всех граждан Днепропетровской области.

— Кучеренко? — резковато переспрашивает Надежда Гавриловна. — Знаю. Это злостный нарушитель режима.

— Он не может быть нарушителем режима, поскольку оставлен на свободе, — успеваю вставить я.

— Он третий год скрывается от правосудия. Вот вы, вы можете сказать, где он сейчас?

— Могу. Он в приемной. Вот за этой дверью. Любезничает с вашей секретаршей. А перед этим провел около часа у Липинского. А до этого мы вместе с ним заглянули к прокурору области Андриевскому Анатолию Леонидовичу... Так что он не очень хорошо скрывается. Позвать его?

— Зачем? — поспешно спросила Надежда Гавриловна. — Совершенно незачем. Мне нечего ему сказать, а все, что скажет он, я хорошо знаю. Вовсе незачем его сюда звать... Еще чего не хватало... Злостный нарушитель в кабинете председателя областного суда... Даже странно как-то... Не хочу я его видеть. Нет-нет.

— Но вы говорите, что он скрывается... И поэтому я, чтобы снять подозрение...

— Объявлен розыск. Его ищут. И обязательно найдут, будьте уверены. Но я не хочу, чтобы его нашли в моем кабинете. Вы меня понимаете?

— Но я не понимаю, зачем его вообще искать? Живет в Кривом Роге, по месту прописки, там, где он и давал подписку о невыезде, где прожил почти всю свою жизнь...

— Я не хочу знать, где он живет. Пусть этим занимаются службы, которым положено заниматься подобными вещами.

— Значит, вы считаете, что он осужден правильно?

— Конечно! Ведь не думаете же вы, что в нашей стране может быть вынесен несправедливый приговор?

— А разве это такая уж редкость?

— Ну знаете, ну знаете, — по ее худеньким щечкам заходили маленькие, остренькие желвачки. — Говорить такое в кабинете председателя областного суда...

Похоже, она никогда не забывала, в каком кабинете находится и кто она такая есть. Согласитесь, нелегкая участь.

На том мы и расстались.

Анатолий Леонидович Андриевский выполнил свое обещание и отправил в украинскую прокуратуру представление об отмене приговора Кучеренко. Ответ пришел довольно быстро — где-то на втором или третьем месяце. Подписал его все тот же Болабольченко. «Представление по делу осужденного Кучеренко Л. С. заместитель прокурора УССР тов. Прик В. Н. не поддержал. Суд правильно признал хищение государственных средств в крупных размерах оконченным преступлением».

Маленькая подробность: если суд назвал «похищенные» деньги общественными, то Болабольченко уже именует их государственными и потому вина Леонида Семеновича уже вроде бы во сто крат тяжче.

Поистине — хоть волком вой, хоть на стенку лезь! Смотрят на белое и говорят, что черное! Что же произошло в мозгах, в душах, в совести этих людей? На кого они работают? Какому бесу служат? Неужели не понимают, что один несправедливый приговор — это тысячи отшатнувшихся и проклявших все коммунистические идеалы и светлое будущее, к которому не устают призывать большевики! Это все то, что мы пожинаем сегодня, в 1991 году...

Разговариваю с милым моему сердцу Болабольченко. Объясняю, что так, мол, и так, показываю акты ревизии, письма из артели, представление Андриевского тут же на столе лежит...

— Чует мое сердце, — отвечает Болабольченко, — здесь что-то неладно.

— Конечно! — подхватываю я.

— Давайте сделаем так, — Болабольченко внушительно задумывается, и я, кажется, чувствую, как в эти секунды напрягается в мыслительной работе все здание украинской прокуратуры. — Давайте сделаем так... Мы запросим дело, внимательно его изучим от корки и до корки и... Я уверен, что-то обнаружится. Можете поверить моему не столь уж бедному опыту.

— А что может обнаружиться?

— Ну мало ли чего... — Мой собеседник дает мне понять, что я лезу туда, куда мне лезть не положено.

— Когда мне подъехать к вам?

— А зачем ко мне ездить? Не надо. Если все начнут ко мне ездить, то прокуратура превратится в зал ожидания.

— Думаете, еще не превратилась?

— Звоните, — холодно закончил Болабольченко. И придвинул к себе важные бумаги в красных папках. — Большие люди пострадали, — пояснил он, показывая на папки. — А вы со своим Кучеренко.

— Да он больше ваш, чем мой!

— Звоните, — повторил Болабольченко.

Звоню через месяц, через два, через три...

— Ну что, обнаружилось, Анатолий Андреевич?

— Рановато об этом говорить.

— Годы идут, Анатолий Андреевич!

— Что делать...

— Но дело-то изучили?

— Мы отправили его обратно в Днепропетровск.

— А как же быть с Кучеренко?

— А как... Очень просто — его надо посадить. Ведь решение суда не выполнено? Не выполнено. Это плохо. Так нельзя. Страдает авторитет суда. Кучеренко надо посадить. Обязательно.

И посадили.

Нашли в Саянских горах, на рабочем месте, — дорогу строил. Да искать-то особенно не пришлось, не скрывался человек. Половина Кривого Рога прекрасно знали, где Леонид Семенович Кучеренко, чем занят, откуда письма пишет. И мне в своем письме он сообщил, что отсиживать ему придется все три года от звонка до звонка, поскольку девять месяцев от-

сидки в предварительном заключении во время следствия ему не зачли.

Не зачли, и все. Не сочли.

Потому как мог пострадать авторитет суда. Теперь этот самый авторитет на недосягаемой высоте.

Я тоже послал ему открытку. Пожелал здоровья, мужества, терпения. Написал, что на свободе происходят большие перемены, что общество наше смело и решительно рвет с прежними догмами, как никогда поощряется деловитость, предприимчивость при решении производственных и прочих проблем. Написал, что сейчас в отечестве нашем очень ценятся люди дерзкие, готовые рискнуть, взять на себя ответственность... И так далее.

Да, а что касается Липинского Виктора Иосифовича... Сидит. За взяточничество. Якобы двенадцать лет получил, потому как взятка оказалась в особо крупных размерах. К тому же выяснилось, что была она не случайная, не единичная. Узнав об этом, Кучеренко горько усмехнулся...

— Он же и у меня просил двадцать тысяч.

— Как?! И он?

— Да, и Здор, и Липинский... Все одним миром мазаны. Двадцать тысяч, говорит, на стол, и оправдательный приговор у тебя в кармане.

— Что-то их всех именно на двадцать тянет? Что за цифра такая роковая?

— О! Объяснили... И один объяснил, и второй, поскольку любознательным я оказался, — рассмеялся Леонид Семенович. — Извини, говорят, но даже пятнадцать мы с тебя взять никак не можем, не только себе берем, нам, говорят, лишь малая часть останется, мы только звенья, с нас и спрос невелик... Заметь, это говорили заместитель председателя областного суда, начальник ОБХСС района крупного города... А я, дурак, в Киев все писал, ответов ждал. Да когда ответы они мне готовили, десять раз по телефону перезвонились, чтоб друг другу не навредить!

Знаете, что еще написал Леонид Семенович в своей новогодней открытке? «Караюсь, мучаюсь, але не каюсь». Строку из Шевченко привел. Надо же, подумал я, до стихов ли ему сейчас...

А выйдя на свободу, пообвыкнув маленько среди вольных людей, к Липинскому съездил. Да, посетил того в лагере. Передачу отвез, он хорошо знал, что нужно везти человеку в лагерь, беседу имел. Очень подробную беседу. А вот о чем — не говорит.

— Да ладно, — махнул рукой. — Поговорили. И Бог с ним.

3. СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ?

И вот сходит с поезда бывший зек с небольшим чемоданчиком, в котором мыло да полотенце. Освобожден по амнистии, судимость не снята, документы испачканы далеко не престижными записями. Бесправный и безденежный. Просится переночевать в гостинице. Его, естественно, гонят. Но он человек тертый, на ночь все-таки где-то устраивается. А через год, ровно через год, представитель государственного банка Удмуртии приходит к нему и, дождавшись приема, просит два миллиона рублей в долг, поскольку рабочим зарплату платить нечем. И бывший зек, да-да, это все тот же Кучеренко, эти два миллиона не моргнув глазом дает.

— Там еще кто есть ко мне? — спрашивает у секретарши, уже забыв о предыдущем посетителе.

Каково?

Жив, оказывается, курилка, жив!

Сколько же сил потратила наша самая справедливая народная власть, чтобы его уничтожить, стереть с лица земли или хотя бы сломать! Сколько десятков тысяч рублей потратили криворожские следователи, мастера поиска и сыска, ведомые Здором и Пистрюгой, чтобы усадить, невзирая ни на что усадить в тюрьму, в камеру смертников, в лагеря! Сколько усилий приложил тот же Болабольченко со своей высокопоставленной компанией, чтобы удержать его в лагере как можно дольше! И все это притом, заметьте, что все прекрасно знали — человек невиновен. Но долг свой понимали столь странным образом, что и невиновных надо было содержать в лагерях. Нутром чуяли — за это не накажут. Да что там накажут — Здор уже командует ОБХСС всего города, Пистрюга тоже в чести... Подозреваю, есть такая государственная цель: каждый человек должен твердо знать, что он запросто может оказаться за колючей проволокой, несмотря на все свои доблести и нравственные совершенства. Иного объяснения не нахожу.

Что же изменилось с тех усердно проклинаемых тридцатых годов? Думаю, немного. Разве что манеры. И еще — раньше на жалобы не отвечали, а теперь отвечают исправно. Но ответы и жалобы на судьбы заключенных нисколько не влияют. Более того, они могут ухудшить их положение. Я вполне допускаю, что мои хлопоты вокруг дела Кучеренко заставили наше замечательное правосудие востроиться и все-таки изловить его в Саянских горах, куда и заключенных-то не посылают по причине слишком уж суровых условий. А его — с рабочего места сорвали...

Но до чего мстительность и злобность доходит — узнав, что Кучеренко на свободе, что в удмуртском городке Глазове добился каких-то там успехов, криворожские наши следователи снаряжают гонца — за государственный, естественно, счет. И носится тот гонец по начальникам, по приемным и республиканским кабинетам, пытаясь привлечь внимание к Кучеренко, подробно рассказывая, какой Кучеренко плохой и отвратительный, что, дескать, он и в тюрьме сидел, и деньги воровал, и срок получил за свои злодеяния. Слава Богу, хватило у руководителей здравого смысла, сообразили, что к чему, и погнали гонца в шею с позором, как клеветника и злопыхателя.

Уехал не попрощавшись.

Ну да ладно, возвращаемся к Кучеренко.

Простило его государство за все его прегрешения и провинности.

Приехал домой. За плечами пятьдесят три года. Пора кое-какие итоги подводить. Шесть лет с гаком ушло на выяснение отношений с правосудием. Жена, двое малых детей. На серьезную работу не берут. Снова на столбы лезть? Здоровье не то, сноровка не та... Да и семью не прокормишь.

— И тогда решил я для начала разбогатеть, — рассказывает Леонид Семенович. — А разбогатеть посредством разведения арбузов и продажи оных за большие деньги. Посоветовались с женой и... Был у меня участок земли в Кривом Роге, хата. Купили козу, назвали Белкой. Мать когда-то во время войны, спасаясь от голода, купила корову, а мы козу. Неплохая оказа-

лась коза — три литра молока в день давала, как приличная колхозная корова. А что касается арбузов... О эти арбузы! — Кучеренко обхватывает голову руками и горестно покачивается из стороны в сторону. — До сих пор перед глазами стоят как живые.

— Чем же они так запомнились?

— Прежде всего оказались эти арбузы не ранними, как мы надеялись, а поздними. Кроме того, не сладкими, а какими-то кислыми, этот сорт якобы для соленья хорош. Сначала они не желали всходить, потом, выбросив чахлые цветочки, не хотели расти...

— А вы?

— А мы над ними уродуемся, а мы ползаем, пылинки сдуваем, а мы вокруг них все лето пляшем и поем...

— Большой доход получили? — спрашиваю я, уже догадываясь об ответе.

— Двести рублей чистой прибыли принесли нам арбузы в то лето. На нашу беду, вся Украина была завалена арбузами. По пять копеек за килограмм шли, представляешь? Моя Лариса мужественно выстаивала за прилавком на базаре с утра до вечера, но... Этих арбузов больше коза съела, чем удалось продать. Но Белка их полюбила, молоко получалось отменное. Сладкое!

Первая попытка разбогатеть окончилась полным крахом.

Куда дальше направить стопы бывшему зеку?

Следует отчаянная попытка организовать дорожный кооператив в самом Кривом Роге. Кучеренко и устав сам написал, утвердил его в исполкоме, но местные власти сумели нагородить столько условий, ограничений и требований, что исчез всякий смысл работы. Кооператив захирел и умер, так и не родившись.

И тут на глаза Леониду Семеновичу попадает газетная статья, где первый секретарь Удмуртского обкома партии Петр Семенович Грищенко делится с читателями своими болями и надеждами. Оказывается, Удмуртии выделены большие деньги на дорожное строительство, а вот строить эти дороги некому.

— То есть как некому?! — гневно изумился Кучеренко. — А я?!

И, сунув в карман двести арбузных рублей, а в портфель мыло и полотенце, он мчится в Ижевск. Нетрудно себе представить отчаянную решимость человека, которому совершенно нечего терять. Нет у него ни положения, ни должности, ни денег. Есть только семья в Кривом Роге на обеспечении у козы Белки.

Но как бы там ни было, одной решимости все-таки маловато. Требуется и четкое понимание своего положения, и достаточно ироническое к нему отношение, требуется и уважение к своему опыту, к своим возможностям. Да, и хорошая доля здорового авантюризма. В самом деле, чтобы вот так, внаглую, отправиться к первому лицу республики...

— Вы к кому? — спросил его милиционер у входа.

— К Грищенко.

— А пропуск?

— Наверно, не успел заказать.

— Но вы договаривались о встрече?

— Он пригласил меня через газету, — и Леонид Семенович бесстрашно

показал милиционеру номер газеты со статьей первого секретаря. Тот удивился, но, увидев подпись под статьей, пропустил.

Какая же неопределенность и бестолковость у нас на всех уровнях государственной власти, если достаточно сослаться на газетную статью, на личную договоренность с высоким лицом — и открываются любые двери!

И вот уже Кучеренко ведут по алым ковровым дорожкам из приемной первого секретаря в кабинет второго, поскольку самого Грищенко в этот момент на месте не оказалось. А второй, выслушав и проникшись важностью проблем, отвозит Леонида Семеновича к министру автомобильных дорог. А министр, узнав, что прибыл человек на обкомовской машине от Самого, посвящает ему весь свой рабочий день. Да, это сказано не для красного словца — с утра до вечера провел Кучеренко в кабинете министра Александра Васильевича и до сих пор благодарен ему за тот день, отданный столь щедро и проведенный увлеченно. Но надо признаться — слушая Александра Васильевича, думал он про козу Белку, про сотню оставшихся денег, про сынишку, которому пошел третий год...

Уже стемнело, когда он расстался с министром. Тот подает машину, Леонида Семеновича везут в гостиницу, там его привечают, находят неплохой номер — все как у порядочных. А министр сказал на прощание: жди, позвоню.

День ждет Кучеренко, опасаясь выйти из номера, второй день... Надежды тают, и появляется даже уверенность в том, что все сорвалось, никакого звонка не будет, что пора сматываться, пока есть еще чем расплатиться за гостиницу.

И вдруг — звонок.

— Все в порядке, — говорит Александр Васильевич. — Я обо всем договорился. Вам надо ехать в Глазов. К автобусу вас подвезут. В Глазове встретит представитель воинской части, которая занимается строительством дорог. Начнете с ними, а дальше будет видно.

Все произошло именно так, как сказал министр. И машина была подана, и автобус отошел в нужном направлении, и майор стоял в Глазове на остановке, поджидая Кучеренко.

Но как же все это на грани срыва, риска, в зоне риска!

В самом деле, прояви милиционер чуть больше твердости, и вернулся бы Леонид Семенович ни с чем. Не попал бы он в обком, не встретился бы со вторым секретарем, и к министру бы не пробился, и не было бы в Удмуртии кооперативного объединения, которое сегодня дает республике четверть всех сооружаемых здесь дорог — около сотни километров в год. Как же все случайно у нас, как все необязательно! Оказывается, результат часто зависит не от грамотности и четкости расчета, а от везучести, от примет и суеверий, от лукавства и авантюры. Повезет — хорошо, не повезет — сливай воду, дорогой товарищ.

И вот с устным напутствием министра предстает наш авантюрист перед ясны очи председателя Глазовского исполкома. Так, мол, и так, хочу строить у вас дороги, испытываю к этому делу горячее стремление, а то вы тут совсем в грязи утонули. Председатель кивает, действительно утонули, он счастлив такому повороту событий, верит обещаниям и заверениям этого решительного, хотя и совершенно незнакомого ему человека. И в конце концов отпускает ненадолго — чтоб тот сколотил себе команду, штаб

кооператива, у которого нет пока ни денег, ни оборудования, ни людей, у которого есть лишь председатель по имени Леонид Семенович Кучеренко.

— А вы сказали ему, что были в заключении? — спросил я у Леонида Семеновича.

— А зачем? Ведь он не спрашивал.

— И об этом — ни слова?

— Нам было о чем поговорить, — улыбается Кучеренко.

— И о том, что нет у вас ни денег, ни людей?

— Мы о деле говорили, — солидно произносит Кучеренко. — Планы намечали, первоочередные работы... Хорошо, что я лысый, — смеется он, — в колонии остричь не смогли, а то бы меня сразу разгадал председатель.

— Хоть в чем-то повезло!

— Да, в везучести мне не откажешь, это уж точно.

На самолет — и в Кривой Рог. Задача простая и почти невыполнимая — найти людей, уговорить, заставить, вынудить ехать в далекую, неведомую Удмуртию строить дороги. А нужен был главный инженер, главный бухгалтер, хороший снабженец. Причем не какие-то проходные фигуры, а под стать самому Кучеренко, люди грамотные и смелые, чтобы на голом месте, с нуля начав, сразу же себя и прокормить, и обустроиться, и работы развернуть.

Он таких нашел. Уговорил. И на двух «жигуленках», прихватив еще двух своих старших сыновей, своим ходом — в Удмуртию.

О, это была поездка! Как говорится, как жаль, что нас не было с ними!

Куда? Кто ждет? На носу холода, октябрь, где зимовать? На какие, простите, шиши?

Но два «жигуленка» мчатся по прекрасным нашим дорогам все дальше и дальше на восток. В кармане у Кучеренко три сотни одолженных денег, остальные тоже кое с какими средствами, но полные сомнений и готовые при первых же затруднениях вернуться. Уговорил-то их Кучеренко не на битвы, нет, на работу. Будет работа, пойдет дело — останутся. Не получится — до свидания. Что у них было? Невнятное, устное обещание председателя исполкома, но все мы знаем цену начальственным обещаниям. Какие же силы душевные нужны, какая безнадежность должна охватить человека, чтобы вот так рвануть за тысячи километров в нечто неизвестное, неуютное, настораживающее...

Приехали.

В свете фар уже прочитали на дорожном указателе — «Глазов». Стали подыскивать площадку, остановились. Прямо в машинах и заснули — весь день за рулем сидели, сменяя друг друга. Просыпаются — уже рассвело. Выходят из машин, оглядываются. И застывает у всех на лицах смешанное чувство ужаса и растерянности — вокруг кладбище. Могилы, кресты, холмики, венки...

— Однако же нас угораздило, — проговорил Кучеренко.

Таким было начало.

Но, на их счастье, не отреклись от своих обещаний ни воинская часть, посулившая немного техники и денег, ни исполком. На решающее заседание, на котором должны были утвердить устав и зарегистрировать кооператив, собралось человек тридцать, вопросы сыпались как из мешка, но больше запомнился вопрос самого председателя...

— Скажите, Леонид Семенович, а из чего, собственно, вы собираетесь строить дороги?

— Как из чего? Песок, щебень, асфальт, битум... В основании земляная насыпь... Как обычно.

— Насыпь — ладно, земли у нас достаточно, битум тоже есть, а как насчет щебня, песка? Где вы все это возьмете?

— Карьер откроем, Олег Леонидович!

— Карьер — это хорошо, но где?

— Постараемся поближе... Чтобы транспортные расходы нас не задавили.

— Леонид Семенович, дорогой, да будет вам известно, что в нашем районе, а возможно, и во всей республике нет ни щебня, ни камня, ни песка... Равнинная местность. После Саянских гор это может показаться для вас непривычным, — народ в зале весело зашумел, оценив шутку председателя, — но это так. Нет у нас полезных ископаемых, даже строительных. К сожалению.

— Этого не может быть, — как можно тверже ответил Кучеренко, но внутри у него все оборвалось. Такого удара со стороны матушки-природы он никак не ожидал. Однако повторил еще тверже: — Этого не может быть.

— Почему?

— Потому что не может быть никогда.

В зале рассмеялись уже не сдерживаясь. Но упорство новичка понравилось.

— Что ж, такая уверенность приятна, похоже, мы имеем дело с человеком твердым, но щебня у нас все-таки нет. Я, слава Богу, прожил на этой земле пятьдесят лет и знаю, что говорю. Может быть, кто-то из присутствующих меня поправит?

Никто из присутствующих Олега Леонидовича Чиркова не поправил.

— Хорошо, вы все здесь старожилы, — заговорил Кучеренко, постепенно приходя в себя от столь печального открытия, — а я — горный инженер. И я хорошо знаю то, чему нас учили в институте, — нет на земле мест, где бы не нашлось никаких полезных ископаемых. Давайте так договоримся — я приглашаю вас на открытие первого же песчаного карьера в вашем районе, на открытие первого щебеночного карьера... И мы устраиваем торжественное открытие — с оркестром, шампанским, красными лентами и бантиками... За ваш счет, разумеется. Договорились?

Кучеренко знал — это будет принято. Когда вот так вызывающе ставишь под удар свою репутацию, когда дело идет на спор, трудно удержаться, чтобы не принять пари.

— Ну что ж, договорились, — сказал Чирков.

Устав утвердили, кооператив зарегистрировали. Это сразу дало право вступить в деловые отношения с воинской частью, арендовать технику и даже получить небольшой аванс, что-то около двухсот тысяч рублей. К своим ребятам Кучеренко вернулся, что называется, на коне. Хотя и невелика победа, но дело сдвинулось.

Запомнился первый визит в банк. Разговор там получился забавным. Наверно, и в самом банке его запомнили надолго. Вам денег? А вы кто? Ваш адрес? А его нет. Приютились пока в общежитии техникума. У вас есть хотя бы печать? Ах, нету... Ах, будет через год, раньше не обещают... Вы

честные, порядочные люди? Вполне возможно, но это не дает вам право получать у нас десятки тысяч рублей...

Вот так примерно.

А Кучеренко, отчаянная душа, уже оповестил о создании кооператива, и в Удмуртию потянулись люди со всех концов нашей необъятной родины — из закарпатских лесосек, с криворожских горно-обогатительных комбинатов, с золотодобывающих артелей Забайкалья... Потянулись люди, которые знали Леонида Семеновича, работали с ним или просто были о нем слышаны. Как бы там ни было, их надо расположить, устроить, обеспечить питанием, работой. А тут еще приезжает жена с двумя малыми детьми...

И завертелось.

Это было рискованное время.

Арендвали в колхозе какую-то заброшенную школу, построенную из бревен еще в начале века, законопатели, чтоб не дуло сквозь стены, переложили заново рухнувшие печи, кое-как разместили несколько десятков человек. Военская часть, спасибо ей великое, не подвела, выделила несколько «КамАЗов», бульдозеры...

Кстати, помните сомнения председателя исполкома, прожившего в этих краях более полувека? О карьере договор помните? Так вот, песчаный карьер работал уже через месяц. Еще через несколько месяцев в соседнем районе обнаружили залежи щебня, а вскоре такой же щебень нашли и в Глазовском районе. Правильно учили Кучеренко в горнорудном институте — нет на земле бесполезных мест.

Работали без выходных. Двенадцать часов в сутки. И в суровых условиях сухого закона.

Первый договор — строительство двух дорог общей длиной десять километров. Это дало право на аванс, и довольно серьезный — уже около ста тысяч. Но и требовалось не меньше — питание людей, зарплата, отопление дырявой школы, горючее...

Выбили. Получили. Осмотрелись.

Слегка перевели дух.

И пошло.

И если сейчас, спустя всего два года после тех рискованных дней, кооперативное объединение «Дорожник» делает четвертую часть всех новых дорог республики, то лишь немногие могут сказать, как это далось, какими силами и жертвами. Из первых семи человек, высадившихся на глазовском кладбище, осталось трое — Кучеренко и два его сына. Остальные ушли. Или же ушли их.

— Не понимаю! — Леонид Семенович с силой бьет кулаком по столу. — Как можно соблазниться лишней сотней общественных денег, получая в месяц две, три тысячи рублей! Что делает с людьми система! Куда идем... Просматриваю документы бухгалтерии и вижу — сто рублей положены в карман. Вызываю — как можно?!

— И что отвечает?

— А что он может ответить... Виноват, говорит, не удержался... Беспопутал.

— И уходят?

— Какой там... Гнать приходится. От трех-то тысяч оторвать человека непросто. Ведь он знает, что, устроившись на государственное предприятие,

больше трех сотен получать не будет. Некоторые очень переживают, каются... Но если таких оставлять, то через месяц наш кооператив прекратит свое существование, войдя в плотные слои воровства и безответственности.

Хочу рассказать об освоении древних стен несостоявшегося кирпичного завода. В десятке километров от главной конторы, да, есть уже главная контора, двухэтажная, с общежитием, столовой, баней, связью и всем прочим, так вот, в десятке километров от главной конторы, кооператоры, рыщущие в поисках полезных ископаемых, наткнулись на кирпичные стены невероятных размеров. Судя по всему, затевалось нечто грандиозное. Но крыши не было, внутри выросла целая березовая роща, судя по возрасту деревьев — лет двадцать здесь не ступала нога человека. Впрочем, нет, нога все-таки ступала. Стоявшие когда-то в стенах рамы вынули местные умельцы — неплохие получились оранжереи, а заодно они растащили все, что было возможно в человеческих силах. Со стенами только не успели управиться. Но выковыривание кирпичей из стен уже потихоньку шло, от этого страдали, как известно, все великие памятники древних цивилизаций. Ведь и при нашей жизни разбирали храмы на свинарники, из кладбищенских плит сооружали постаменты вождю мирового пролетариата, в национальных святынях прямо на Красной площади устраивали общественные туалеты, вроде больше нашим строителям светлого будущего и погадить негде, вроде дерьмо у наших строителей столь ценное, что только в святое место его и положить можно...

О том, как выбивал Кучеренко эти стены, можно писать отдельное повествование. Да, история превращения занесенных снегом стен в современное ремонтное производство — это целый роман с судьбами, характерами, конфликтами, драмами и трагедиями человеческими. И алчность, и бескорыстие, и самоотверженность, и еще черт знает что — все схлестнулось здесь и перемешалось.

Но — добились своего. Получили «добро» местных властей. Стали владельцами. Истинных хозяев стен обнаружить не удалось. А сами те не объявлялись, опасаясь, видимо, что за потраченные впустую миллионы придется отвечать.

— Наивные люди! — смеется Кучеренко. — За миллионы в нашем государстве не судят. А вот в лагере мне приходилось встречать людей, отсидивших сроки за десятку-другую.

Не буду излагать все увлекательные подробности освоения этих древних стен, скажу сразу: сейчас здесь утепленные гаражи, ремонтная база, электромастерские, ведь многое действующее ныне в кооперативе оборудование подобрано на свалках, на обочинах дорог, в завалах металлолома — и до этого доходило в период становления. Это были дни, наполненные настоящими приключениями, бумажными и словесными схватками, лукавством и авантюризмом — назовем вещи своими именами.

Но не было обмана. Это точно. Об этом заботился сам Кучеренко, наученный собственным горьким опытом. А подталкивали, соблазняли легкостью получения больших прибылей. Не пошел. И как это было мудро — многие соблазнитель ушли, иные предали дело, иных пришлось выгонять... И послушайся он их тогда, сейчас они бы крепко держали его в руках. А

так — свободен. В поступках, в решениях, в мыслях — свободен. А это дороже любого состояния, важнее любых прибылей. Ему ли этого не знать...

Так вот, в кирпичных стенах сейчас тепло в любой мороз, в любое время суток здесь полыхают огни электросварки, здесь удобное общежитие, бани и парные, какие дай Бог иметь Москве к концу нынешнего тысячелетия! Здесь кухня и столовая, а на столах то, что дай Бог иметь москвичам в ближайшую пятилетку, — мед, масло, варенье, в меню мясо, овощи, рыба... Питание от пуза и бесплатное — расчет в конце года.

При мне на общем собрании, проходившем в этих же стенах, выгнали двоих — начальника строительного управления и главного диспетчера. Напились. И мало того, дальше повели себя довольно подловато — чтобы уменьшить собственную вину, пытались напоить и других.

Проголосовали. Единогласно. И уволили. За месяц-полтора до окончательного расчета. Порядок такой: ежемесячно все получают ставку триста рублей. А к концу года, когда с кооперативом рассчитаются заказчики и в кассе появляются хорошие деньги, делается окончательный расчет. Так вот, эти двое его не дождались.

— Сколько же они потеряли? — спросил я у Кучеренко.

— На двоих, — он подумал, — тысяч двадцать.

— Не жалко?

— Кого? Чего? Денег? Пьяниц? Я уже говорил тебе, что недавно государственный банк Удмуртии одолжил у нас два миллиона. Дали. А почему бы и нет? Надо выручать друг друга. Так что эти двадцать тысяч для нас не очень существенны. Мы на них не разбогатеем. Жалко ли этих людей? Жалко. Специалистов не хватает. Но если бы мы их сегодня простили, завтра напились бы десять человек, к празднику весь кооператив... И мы превратились бы в настоящее стопроцентное государственное предприятие. Со всеми его особенностями и преимуществами. Только дотации за убыточность нам бы уже никто не платил. И вскоре можно было бы разъезжать по домам.

— Сурово!

— А что делать? Мы не можем жить по тем законам, которые воцарились в нашем благословенном отечестве. Отечество тоже не может жить по этим законам, но мается, терзается, все боится лишиться какой-то идеологической девственности. В свое время большевики выкинули меня из своей партии, обвинив в хищении нескольких сот кирпичей. А теперь я взял, прости мне это «я», действительно я настоял на этом решении, взял брошенный, разгромленный сезонный кирпичный завод, и каждый год мы выпускаем несколько миллионов кирпичей. И на Украине нашли такой же завод, и он дает пару миллионов кирпичей в год... Да, эту продукцию выпускает кооператив, но в домах-то живут наши люди, советские. Верно? Нет, мы не зря небо коптим.

— Хороший доход дают кирпичи?

— Думаешь, наживаемся? Все расценки у нас государственные.

— А могли бы и повысить?

— А что нам мешает? Своя рука владыка. Но с нашей стороны это было бы... нехорошо. Да и не нужно нам это. Вот смотри... Рядом с нами работает государственное строительное управление. С партийной и профсоюзной ор-

ганизациями, освобожденными секретарями, администрацией и прочими, и прочими важными службами. У них управленцев на то же самое количество работающих...

— Вдвое больше, — подсказал я.

— В десять раз больше! — воскликнул Кучеренко. — В десять раз. У нас восемь человек в пересчете на двести работающих, а у них больше восьми-десяти. И дорог они делают в несколько раз меньше, чем мы. Усек? В несколько раз меньше. При том что они на полном государственном обеспечении, снабжении, при фондах на технику, горючее, материалы. Существуют целые снабженческие и управленческие службы, которые опекают наших соседей, завозят им необходимое, увозят ненужное... Для народа, для хозяйства мы в десять раз полезнее, чем они. Но мы — презренные кооператоры, а они — уважаемое государственное предприятие.

— Да ну, Леонид Семенович, так уж и презренные!

— Почитай газеты!

— А вы их читаете?

— Разве что на сон грядущий, сквозь сон грядущий, — смеется Кучеренко. — Я знаю все, что там будет написано в ближайший год, — отчаянно заявляет он и улыбается своей самоуверенности. — Кадровые перемены предугадать вряд ли смогу, это непредсказуемо, а что касается сути...

— Да, лучше о сути.

— Если мы все-таки вертимся, если наши люди зарабатывают не меньше полусотни в день, то только благодаря ответственности, дисциплине, четкости. Мы никого не воспитываем. Оказывается, в этом никто не нуждается, оказывается, все от рождения прекрасно знают, что такое хорошо, а что такое плохо. А если в ком-то обнаруживается невоспитанность, значит, ему так выгоднее. Наш главный бухгалтер, тот самый, который приехал сюда на первом «жигуленке», украл сотню, зарабатывая в месяц несколько тысяч. Его надо воспитывать? Нет, его надо гнать. Что я и сделал.

Еще один монолог Кучеренко. Он произнес его в телефонную трубку, когда один из его снабженцев нашел где-то старую машину и собрался ее купить. И звонил по телефону — брать ли? Кучеренко ничего не спросил о самой машине, о цене, он говорил о другом:

— Если у них в гараже грязь, а механики пьяные, машину не бери. Если секретарша не знает, где начальник, — не бери. Если в конторе хамят и матерятся, — не бери. Если увидишь хорошую деталь в ломе — не бери машину. Все понял? Будь здоров.

Рассказ председателя исполкома Олега Леонидовича Чиркова:

— Две недели заседаем в полном составе — решаем, как быть с дорогой через деревню Понино. Дело в том, что Кучеренко проложил дорогу до деревни, а дальше все остановилось. Никак не можем решить, где именно проложить дорогу — то столбы мешают, то изба на пути, то колодец, то ширина не по проекту... Представляете, две недели ежедневно вот за этим столом собирались. Пригласили Кучеренко. Сел он с краю, послушал, ничего не сказал и ушел. Мы продолжаем утрясать, а он иногда интересуется, готов ли проект, принято ли решение, мы, естественно, отвечаем, что работа идет, еще немного — и все согласуем... Вдруг — бац! Телефонный звонок. Кучеренко. Приезжай, говорит, принимай дорогу. Какую

дорогу?! Через Понино, отвечает. У меня, честно говоря, сердце екнуло. Оказывается, убедившись в нашей бестолковости, он той же ночью бросил всю свою бульдозерную мощь, все кразы-мазы, сделал насыпь, покрыл щебнем и заасфальтировал. До чего доходило — старые женщины из деревни разувались, выходя на асфальт, в чулках шли, боясь дорогу запачкать...

А дальше было вот что. Удмуртские автодорожные власти отказались принять дорогу через Понино по той причине, что, дескать, она уже, чем предусматривал проект. Ей положено быть семиметровой, но на деревенской улице она вместилась только шестиметровой. О том, что с ней хлопот было вдвое больше, никто не хотел и слушать. И оплачивать выполненную работу власти отказались.

— Ну нет и нет! Черт с вами! — крикнул в сердцах Кучеренко.

Но к концу года приехали гонцы из столицы республики и выразили желание подписать документы о принятии понинской дороги. Как выяснилось, они готовы были принять не только шестиметровую, но даже тропинку в лесу. В чем же дело, что случилось? А случилось то, что год кончился. И настало время отсылать в высокие инстанции отчет о проделанной работе. А чем дорог в республике построено больше, тем ближе ордена и слава. Да и премии ближе, да и просто быть на хорошем счету у начальства полезно и для дома, и для семьи.

Что же происходит, товарищи дорогие?!

Когда надо признать чью-то работу, когда надо за нее заплатить, руководящие товарищи тут же вспоминают о строгих технических требованиях, вспоминают о правилах и параграфах, разводят руками и цокают языками. Когда же речь заходит о собственных небогатых заслугах, они с легкостью необыкновенной готовы отменить все требования — и финансовые, и нравственные.

Оглянитесь по сторонам, окиньте взором Отечество — вот вам результат такого двойного подхода.

Ну что, пора заканчивать.

О ежедневных схватках Леонида Семеновича Кучеренко за право жить и работать по-человечески можно было бы рассказывать еще долго. Можно было бы рассказать о том, как во вред всем своим коммерческим показателям он строил дорогу в пионерский лагерь, который всем был хорош, кроме одного — невозможно было к нему проехать. Можно было бы рассказать о том, как кооператив «Дорожник» проложил дорогу к местному храму, не взяв за это ни копейки, как вступил в деловые переговоры с итальянцами, с испанцами и как законы родного государства все соглашения сделали невозможными. Кучеренко не сдался, но сегодня похвастать тем, что лучшим в мире итальянским камнерезным оборудованием разрабатывает гранитные карьеры на Украине или на Урале, а у него есть такие карьеры и на Украине, и на Урале, этим похвастать он пока не может. Нет у него итальянского камнерезного лучшего в мире оборудования. Хотя было так близко, так доступно. И кирпичный завод, лучший в мире, испанцы пока ему не поставили, хотя очень хотели. И южнокорейские бизнесмены...

Да что говорить!

О многом еще можно было бы рассказать, и возможно, я когда-нибудь это сделаю, но сейчас хочется задать вопрос самому себе: куда идем, ребята?

Давайте согласимся, что уничтожение деловых, хватких людей — это не случайность, это не досадное недоразумение, это направленная, жесткая, целеустремленная политика. Когда Кучеренко начал перечислять разгромленные золотодобывающие артели, когда он начал перечислять посаженных в тюрьмы их руководителей, у него не хватило пальцев на руках. Он как-то прикинул, сколько золота потеряло государство в результате этой волны репрессий в начале восьмидесятых годов.

— Десятки тонн. Если не сотни.

И сейчас, когда наши экономисты, мыслители и премьеры всех рангов бьются в горькой беспомощности, обижаются друг на друга и плачут по телевидению, не в силах остановиться ни на одном дельном решении, я подумал... А что, отдать бы Леониду Семеновичу Кучеренко самую слабую республику, пусть бы он навел там какой-нибудь порядок...

— Взяли бы, Леонид Семенович? В качестве Председателя Совета Министров?

— А почему бы и нет? Это было бы ничуть не сложнее, чем организовать кооператив «Дорожник».

— И поправили бы дело?

— Конечно. В месяц, может, и не уложился бы, но за год... Через год люди бы у меня уже дух перевели. А там, глядишь, и рюмку бы подняли за мое здоровье... Какого-нибудь испанского или итальянского вина. У них, я слышал, неплохие вина. И было бы у ребят чем закусить. И холодные бы закуски нашлись, и овощные, и горячие... Через год, — сказал Кучеренко уже без улыбки.

Содержание

К читателю	5

ФАКТ

Анатолий Безуглов. ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ. документальная повесть	9
Виктор Пронин. В ЗОНЕ РИСКА. документальная повесть	71
Октем Эминов. СЧИТАТЬ ПОДВИГОМ. документальная повесть. <i>Перевод с туркменского В. Ашуева</i>	112

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Юрий Пшонкин. СЛЕДЫ В ТУМАНЕ. повесть	159
Василий Шукшин. ОХОТА ЖИТЬ. рассказ	206
Валентин Федоров. ИНОК БЕЛОЙ ПУСТЫНИ. повесть	221

ДЕТЕКТИВ

Виктор Пронин. С УТРА ДО ВЕЧЕРА ВОПРОСЫ. повесть	281
Ростислав Самбук. КРИМИНАЛЬНЫЙ МАРАФОН. повесть. <i>Перевод с украинского И. Захорошко</i>	366
Леонард Фесенко. ШЕСТЬ ПУЛЬ. рассказ	467

Составитель
Леонард Павлович Фесенко

ФАКТ. ПРИКЛЮЧЕНИЕ. ДЕТЕКТИВ

Редакторы
С. М. СУША, Ю. Д. КОКОРИН

Художественный редактор
Д. В. ОРЛОВ

Технический редактор
Г. Д. КАЛМЫКОВА

Корректор
С. Б. БЛАУШТЕЙН

ИБ № 7956

Сдано в набор 24.04.91. Подписано к печати 17.10.91.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Таймс».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 37,60. Тираж
100 000 экз. Заказ № 286.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писа-
тель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская
типография Государственного комитета СССР по печати,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Ф 18 Факт. Приключение. Детектив.: Сборник.— М.: Советский писатель, 1991.— 480 с.

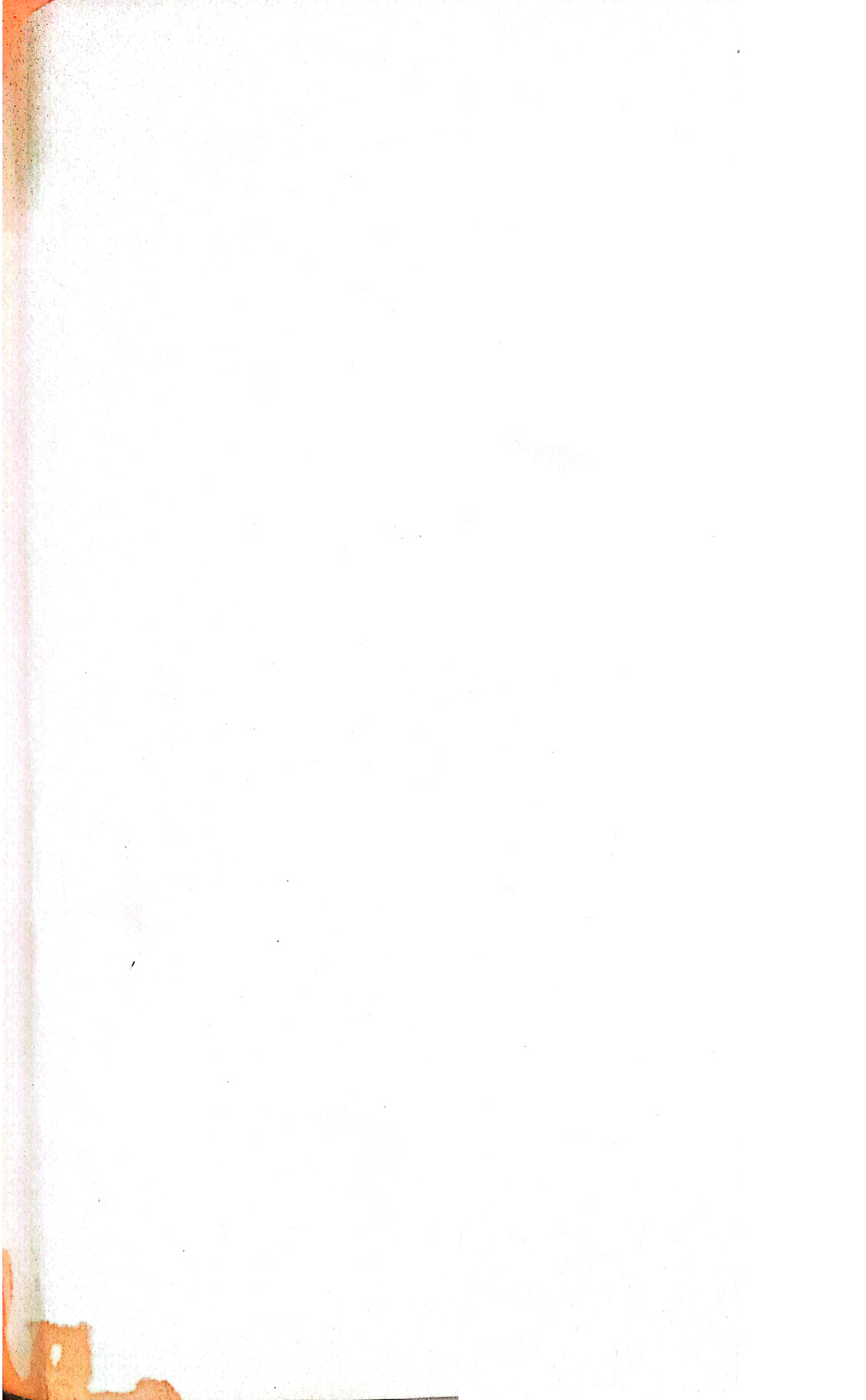
ISBN 5—265—02063—2

Сборник открывает новую серию книг, в которых авторы указывают на острые, злободневные проблемы: взяточничество, спекуляцию, уголовщину, беспощадную эксплуатацию природы. Некоторые романы, повести, рассказы, представленные в сборнике, написаны на основе реальных событий, произошедших в наше время. Книга рассчитана на массового читателя.

4702010201—332
Ф ————— 365—91
083(02)—91

ББК 84 Р7

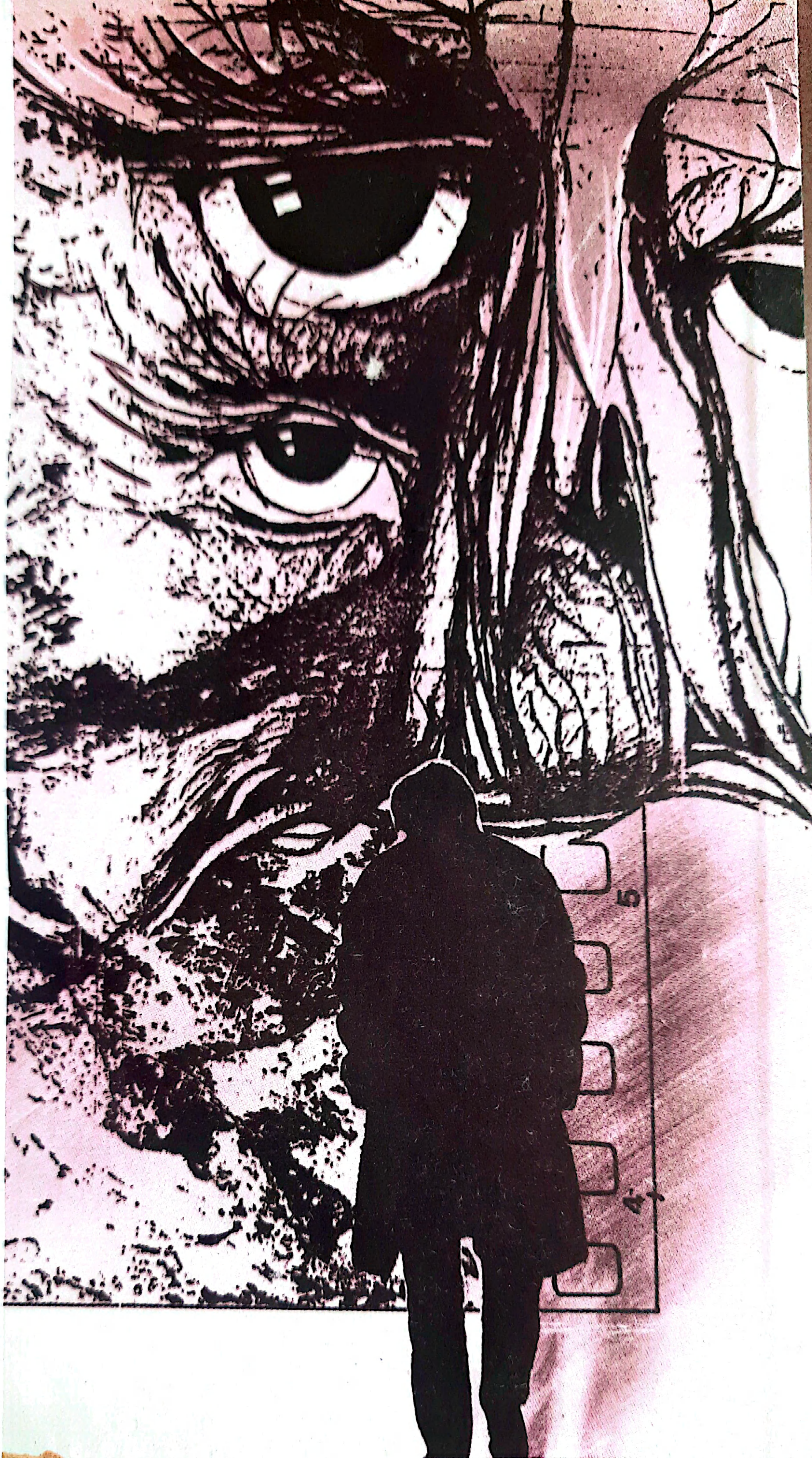

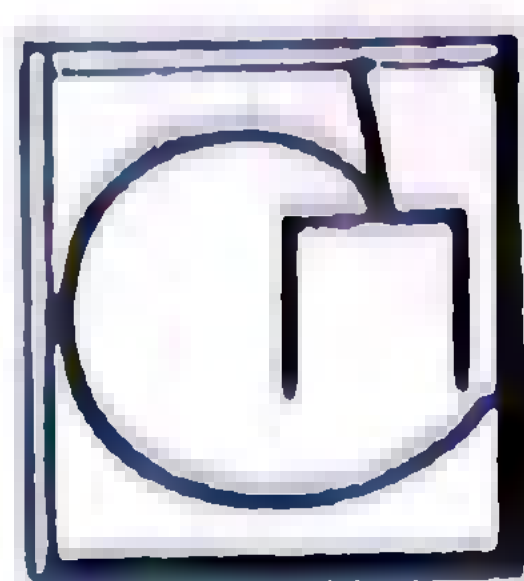

„СУМЫКНИГА“
Новая цена 20 г
Подпись _____

В следующий выпуск сборника «Факт. Приключение. Детектив» предполагается включить повести Н. Крамного «Четвертый раунд», Х. Лайпайк «Операция «Волчье лыко», Нодара Думбадзе «Кукарача», роман Рауля Мир-Хайдарова «Двойник китайского императора», рассказы В. Астафьева «Людочка», В. Гойтана «Эхо ночных выстрелов», очерк Н. Булгакова «Подвиг патриарха», эссе А. Гурова, В. Рябинина и другие произведения.

